

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Авраамова Е.М., Клячко Т.Л., Логинов Д.М.,
Семионова Е.А., Яковлев И.А.**

**Развитие образования и борьба с
бедностью**

Москва 2020

Аннотация. Система образования формирует человеческий потенциал, являющийся одним из важнейших ресурсов социально-экономического развития, на использовании которого должна опираться реализация стратегий развития субъектов Российской Федерации, отдельных отраслей и комплексов экономики. Поставленные в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 цели и задачи определили содержание национальных проектов в социальной сфере и науке, государственном строительстве, обеспечении экологической безопасности страны, пространственном развитии и других отраслях и сферах деятельности. Указ задает вектор развития России на среднесрочную перспективу. Вместе с тем те процессы и реформы, которые будут запущены в данный период, во многом определяют развитие страны и на более длительный срок. Актуальность проблемы определения места и роли системы образования в решении стратегических задач в социально-экономическом развитии Российской Федерации, в том числе связи Национального проекта «Образования» с остальными национальными проектами, является очевидной. В настоящей работе рассмотрены вопросы, раскрывающие связь развития образования с борьбой с бедностью.

Клячко Т.Л., директор ЦЭНО ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Авраамова Е.М., заведующая лабораторией исследований социального развития ИНСАП Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Логинов Д.М., старший научный сотрудник ИНСАП Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Семионова Е.А., старший научный сотрудник ЦЭНО ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Яковлев И.А., научный сотрудник ЦЭНО ИПЭИ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2019 год.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1 Бедность и образование.....	5
2 Неуспешность в школьном образовании и проблема бедности.....	9
3 Ориентация на получение среднего профессионального образования и проблема бедности.....	17
4 Уровень образования работников, занятых в неформальном секторе, и бедность.....	25
5 Национальный проект «Образование» и возможности его использования для борьбы с бедностью.....	27
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	54

ВВЕДЕНИЕ

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» задает вектор развития России на среднесрочную перспективу. Вместе с тем те процессы и реформы, которые будут запущены в данный период, во многом определяют развитие страны и на более длительный срок. Поставленные в Указе цели и задачи определили содержание национальных проектов в социальной сфере и науке, пространственном развитии территорий, обеспечении экологической безопасности страны, государственном строительстве и других отраслях и сферах [1].

Все национальные проекты в той или иной мере отражают результаты работ и исследований, которые были выполнены Центром стратегических разработок в 2016–2017 гг. Прежде всего национальные проекты должны обеспечить накопление и сохранение человеческого капитала в России с тем, чтобы увеличить темпы экономического роста. Соответственно главный акцент и Указа, и подготовленных на его основе национальных проектов сделан на социальных целях и задачах. Вместе с тем и подготовительная работа, которая была сделана в ЦСР, и работа во исполнение Указа пошла по традиционному пути: разработки системы мероприятий, как правило, внутри одной отрасли. Так, проблемы развития образования рассматриваются практически исключительно в рамках системы образования и, следовательно, за национальный проект отвечают министерства и ведомства, которые осуществляют государственную политику в данной сфере.

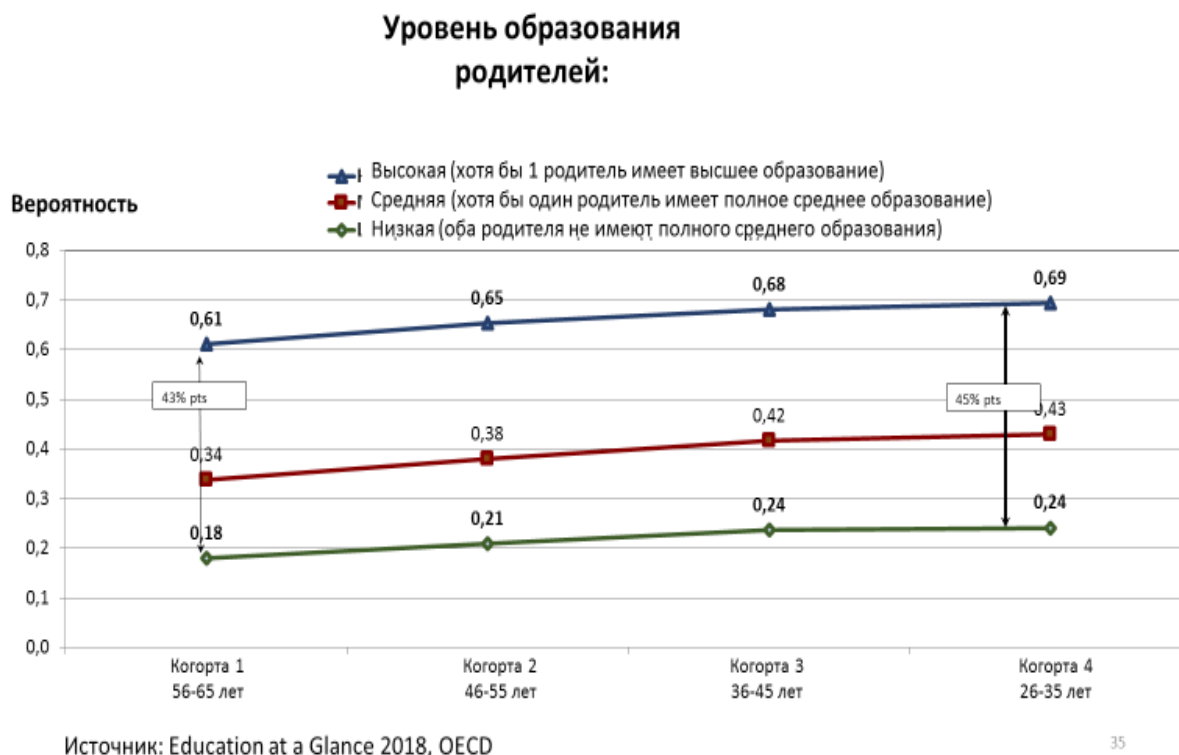
Особую актуальность представляет вопрос воздействия образования на бедность населения. Как зарубежный, так и отечественный опыт показывают, что образование играет важную, если не важнейшую, роль в преодолении бедности населения. Рост образованности сопровождается и преодолением бедности большей части населения. Поэтому долгое время политикой семей во всем мире была «гонка за уровнем образования» для их детей. В настоящее время ситуация меняется, но это изменение не затрагивает общего вектора – на обучение в течение всей жизни, на развитие непрерывного образования. И обеспечение доступности качественного образования для социально незащищенных слоев населения становится одним из главных механизмов борьбы с бедностью. В России же в рамках Национального проекта «Образование» эта задача даже не ставится. Борьба с бедностью рассматривается практически исключительно, как рост финансовых ресурсов бедных семей до определенного (невысокого) уровня. Между тем такой подход не обеспечивает стабильности результатов по преодолению малообеспеченности различных групп населения.

1 Бедность и образование

Борьба с бедностью в той постановке, в какой она сейчас обсуждается, никак не связывается с развитием системы образования. Действительно, за 6 лет, до 2024 г., победить бедность путем расширения для детей из бедных семей доступности качественного образования, практически невозможно. Но хорошо известно, что основная бедность – это бедность семей с малолетними детьми [2], [3]. И дети из малообеспеченных семей посещают, как правило, далеко не лучшие школы. И их родители не могут нанять репетиторов для выправления неблагоприятной учебной ситуации, в которой находится их ребенок. Это приводит к порочному кругу: не получая хорошего школьного образования, дети из малообеспеченных семей не могут сдать ОГЭ или ЕГЭ на высокие баллы. Поэтому они либо уходят после окончания 9 класса в организации СПО, либо, все же окончив школу и получив невысокие баллы на ЕГЭ, поступают в низкорейтинговые (слабые) российские вузы. При этом многие из них учатся на очно-заочной (вечерней) или заочной формах обучения и в дальнейшем могут претендовать в основном на не очень престижные рабочие места (торговля, сфера услуг и т. п.). К сожалению, нередко в число рабочих мест, на которые могут претендовать выпускники слабых вузов, попадают организации бюджетной сферы, в том числе государственные и муниципальные организации общего образования (дошкольные образовательные организации и общеобразовательные школы). Соответственно, в не лучшие ДОО воспитателями и в школы учителями приходят молодые люди с весьма невысоким (низкокачественным) образованием, которые затем транслируют его своим ученикам. После этого цикл повторяется (или будет повторяться), что в конечном итоге приводит к формированию слоев населения с плохим образованием, которое воспроизводится в следующем поколении. Таким образом, борьба с бедностью должна начинаться с обеспечения для детей из семей с низким уровнем социального и культурного капиталов (а именно дефицит этих капиталов обычно характеризует бедность) доступа к качественному образованию. А это означает, что учитель будущего – это учитель, который сам получил хорошее педагогическое образование и учит детей из малообеспеченных семей, ликвидируя те дефициты в воспитании и образовании, которые неспособна ликвидировать семья. Для этих детей «успех», как это провозглашает Федеральный проект «Успех каждого ребенка», входящий в национальный проект «Образование», связан в первую очередь с возможностью получить в школе дополнительные занятия по предметам, которые им плохо даются, ликвидировать пробелы в знаниях, которые, если их не ликвидировать, ведут к накоплению и получению негативных личностных оценок: «двоечник» («троечник»), «плохо развитый», «неспособный», что приводит очень часто к срыву в поведении таких детей, который усиливает отрицательное к ним отношение. В результате после окончания 9-ого класса ребенка фактически вынуждают уйти из школы. В значительной мере организации СПО «собирают» данный контингент и вынуждены его «выправлять» (реабилитировать), но им не всегда удается это сделать. Отсев из них в среднем составляет 30% и более, при этом судьба отсеявшихся учащихся (студентов), как правило, не известна. Понятно, что некоторые из этих ребят поступают в другие организации СПО, на другие программы, часть (юноши) призываются в армию. Следует отметить, что службу в армии многие работодатели также рассматривают в качестве реабилитирующей организации, считая, что только после демобилизации можно брать на работу как юношей, которые не доучились в системе СПО, так и молодых людей, окончивших организации среднего профессионального образования

(особенно, если речь идет о программах подготовки по рабочим профессиям). Часть отсеявшихся идет работать (в основном они устраиваются работать неформально) или попадает в криминальные структуры, пополняет ряды молодежи, которая не учится и не работает¹ (см., например, [2]).

Как показывают исследования ОЭСР, социальный и культурный капитал семьи имеет важнейшее значение для характера образовательной траектории (карьеры) детей: в частности, вероятность получения высшего образования у ребенка, родители которого не имеют полного среднего общего образования, т. е. не окончили среднюю школу, почти в 2,9 раза ниже по сравнению с ребенком, один из родителей которого окончил вуз (рисунок Рисунок 1).

Примечание – Источник: [3].

Рисунок 1 – Вероятность получения высшего образования ребенком в зависимости от уровня образования его родителей

Как можно видеть на рисунке Рисунок 1, если хотя бы один родитель имеет высшее (третичное) образование, то вероятность его получения ребенком стабильно растет и за 30 лет выросла на 8 п. п.: с 61% до 69%. Если хотя бы один родитель имеет полное среднее образование, то шансы его детей закончить вуз также за последние 30 лет выросли на 9 п. п., но остаются все же значительно более низкими, чем у ребенка из первой группы семей (43% против 69%). А вот если родители не имеют полного среднего образования, т. е. не закончили среднюю школу, то вероятность, что их ребенок получит высшее образование, является самой низкой из всех представленных групп семей и, несмотря на то, что она за предыдущие 20 лет выросла на 7 п. п., последние 10 лет она перестала расти и составляет менее 25%. Следовательно, у детей из малообразованных групп населения значительно

¹ По разным оценкам, численность молодежи в России в статусе NEET составляет до 2 млн человек в возрасте 15–24 лет.

меньше шансов по сравнению с детьми из средне- и высокообразованных семей получить высшее образование, повысить свой социальный статус и доход вследствие получения хорошей работы. Правда, в последние годы в силу роста массовости высшего образования и падения его качества значительная часть молодежи даже с высшим образованием не может трудоустроиться и вынуждена скрывать его наличие, чтобы ее взяли на работу, не соответствующую имеющему у нее уровню образования (иначе молодые специалисты рассматриваются, как over-qualified). Диплом некоторых категорий университетов в последние годы стал обесцениваться у работодателей, однако для детей из малообеспеченных слоев, как правило, в основном доступны именно указанные высшие учебные заведения. Это обусловлено тем, что в них стоимость обучения значительно ниже, чем в престижных университетах, а требования к поступлению существенно более мягкие по сравнению с ведущими вузами. При этом молодежь из малообеспеченных слоев населения во многих странах с платным высшим образованием очень часто предпочитает поступать в дешевые университеты, хотя в этих странах обычно хорошо развито образовательное кредитование. Но молодые люди из малообеспеченных семей либо не могут получить образовательный кредит, либо боятся залезать в долгосрочные долги. В результате они становятся заложниками плохого высшего образования.

2 Неуспешность в школьном образовании и проблема бедности

Выше было отмечено, что без специальных усилий со стороны государства образование в современном мире перестало во многих случаях играть роль социального лифта. Для бедных слоев населения на уровне общего образования нередко доступно только образование невысокого качества, что впоследствии мешает им получить доступ к качественному профессиональному, в том числе высшему, образованию.

Майкл Барбер в книге «Приказано добиться результата» [4] описывает его опыт по преодолению сопротивления системы образования, когда он попытался обеспечить доступность качественного образования для всех детей в Великобритании, поскольку получение школьного образования является обязательным и, следовательно по мысли М. Барбера, его качество должно быть одинаковым для всех детей. Вместе с тем Барбер подчеркивает, что большинство управленцев в системе образования, включая директоров школ, считали, что низкая успеваемость учащихся из малообеспеченных (бедных) семей является нормой, обычным явлением, которое нельзя изменить. Они признавали, что среди детей из бедных слоев населения могут быть способные и даже талантливые дети, но большинство, по их мнению, не может полноценно освоить учебную программу и поэтому нужно выстраивать разные образовательные траектории, вовремя дифференцируя контингенты учащихся [4]. Поэтому М. Барбер считает, что путь к более качественному образованию лежит в области преодоления сложившихся убеждений управленцев в данной сфере, и именно на это были направлены реформы в системе школьного образования, которые он с успехом проводил. Первыми, кого он убеждал, был директорский корпус, потом уже шла работа с учителями [4].

А. Шляйхер, который в ОЭСР создал систему международных сравнительных исследований качества образования, специально останавливается в его книге «Образование мирового уровня: как выстроить школьную систему XXI века?», посвящает много страниц обсуждению проблемы раздельного обучения сильных и слабых учащихся [5]. В частности, он отмечает «Возможно, высокая ценность образования является необходимым условием для достижения результатов мирового класса, но сама по себе она не приведет ни к чему, пока учителя, родители и все общество считают, что только некоторые дети могут достигать высоких результатов» [5, с. 73]. И далее: «До недавнего времени в Германии было широко распространено мнение о том, что дети представителей рабочего класса также будут получать рабочую профессию и им не нужны учебные программы гимназий, ориентированные на академическое образование. Сегодня во многих [германских] землях 10-летние учащиеся разделяются на тех, кто поступает в академические школы, ориентированные на продолжение образования в университете и подготовку работников умственного труда, и тех, кто выбирает профессиональные программы, готовящие к профессии квалифицированного рабочего» [5, с. 73].

А. Шляйхер является решительным противником такого подхода к организации системы школьного образования и считает, что результаты PISA подтверждают его точку зрения: «Результаты PISA показывают, что подобное разделение отражается на восприятии учащимися своего будущего образования. Только один из четырех 15-летних учеников, принимавших участие в исследовании PISA в Германии, сказал, что, возможно, будет поступать в университет или получать профессиональную квалификацию (что меньше числа тех, кто на самом деле будет это делать), тогда как в Японии и

Южной Кореи девять из десяти учащихся сообщили о своем намерении поступать в вуз.

Напротив, в восточноазиатских странах, которые показывают хорошие результаты в PISA, а также в других странах с высокими показателями, включая Канаду, Эстонию и Финляндию, родители, учителя и широкая общественность разделяют мнение о том, что все учащиеся способны к высоким достижениям.

Все это, как правило, отражается в убеждениях самих учащихся. Исследование тенденций в изучении математики и естественных наук показывает, что школьники во многих странах Восточной Азии верят, что учебные усилия, а не врожденный талант являются путем к успеху. Это подтверждается и другими исследованиями, свидетельствующими о том, что жители Восточной Азии объясняют успехи и неудачи приложенными усилиями чаще, чем учащиеся в западных странах. Азиатских учеников часто учат тому, что упорный труд является ключом к успеху» [5, с. 75].

Таким образом, А. Шляйхер показывает, что позитивная мотивация учителей и учащихся на получение высоких образовательных результатов является залогом успеха школьных систем. В частности, он указывает: «Страны, в которых учащиеся сообщали о наименьшей поддержке со стороны учителей, часто были странами, в которых учащиеся в раннем возрасте разделяются по уровню способностей: Австрия, Бельгия, Венгрия, Германия, Люксембург, Нидерланды, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Швейцария. Даже если принять различные стили ответов и толковать их с осторожностью, результаты не вызывают особого удивления. Сортировка учащихся по типам образовательных учреждений создает однородные классы, где преподавание становится более простым, и учителя могут считать, что им не нужно проявлять интерес, оказывать дополнительную помощь или работать с отдельными учениками» [5, с. 77].

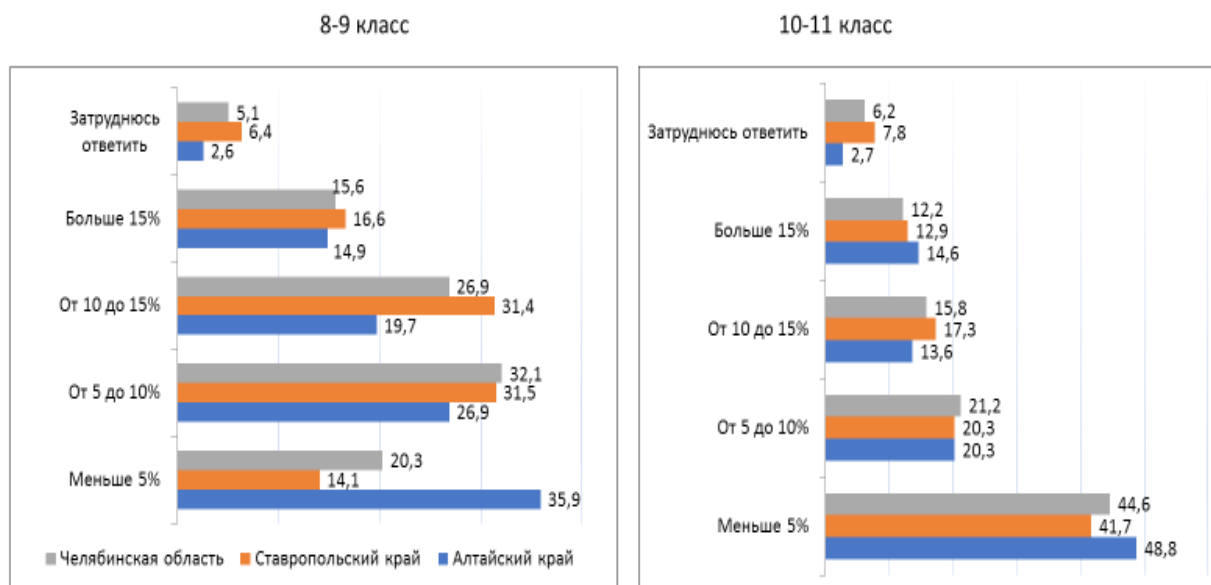
Хотя, по нашему мнению, А. Шляйхер не всегда делает корректные выводы из имеющихся у него данных (см. ниже), в главном он прав: создание однородных учебных коллективов, особенно слабых, не позволяет учащимся преодолеть имеющиеся у них дефициты в знаниях и навыках (компетенциях). Это доказывает, в частности, тот факт, что создание детских садов в районах проживания мигрантов и/или бедного населения, и раннее начало обучения детей в этих садах не дает желаемых результатов: дети продолжают в большинстве своем отставать в развитии от детей, проживающих в районах для среднего класса и богатых, даже в случаях, когда дети из более обеспеченных семей начинают позже учиться. Кроме того, необходимо понимать, что родители из более успешных слоев населения, как правило, более тщательно выбирают детские сады и школы для своих детей, а не отдают их в ближайшие к дому, они лучше владеют информацией и лучше умеют ее искать и использовать, поэтому они делают более точный (взвешенный) вывод о качестве образования в той или иной образовательной организации. Они целенаправленно создают «качественное» окружение для своих детей и, в итоге, получают для них более качественное образование. В силу того, что они предпринимают особые усилия для выбора образовательной организации для своего ребенка, эти родители не хотят допускать в выбранные ими школы или классы детей из семей, которые не прилагают подобных усилий и которые делает за них государство, преодолевая селективность (сегрегацию) в образовании. Этих родителей не убеждают, как правило, аргументы, выдвигаемые А. Шляйхером, что

отсутствие селекции (отбора) ведет к тому, что учителя вынуждены повышать свое мастерство и уделять больше внимания всем учащимся, выстраивая для них индивидуальные образовательные траектории. Тем более, что во многих случаях другие факторы, влияющие на работу учителя, не позволяет им вести себя так, как, по мнению Шляйхера, ведут себя восточноазиатские учителя (учителя в восточноазиатских странах). Другими словами, сложившаяся в системе образования культура отношений учителя и учащихся играет важную роль в принятии или непринятии определенных подходов к обучению. Например, конкуренция школ за учащихся или рейтинги школ могут сильнейшим образом искажать мотивацию учителей. Скорее всего, в восточноазиатских странах с их акцентом на «хорошесть» всех без исключения школ указанные институциональные механизмы не действуют, а действуют прямо противоположные.

В России, как показывает Мониторинг эффективности школы, который с 2013 г. проводит Центр экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС, учителя достаточно большую долю своих учеников считают неспособными освоить учебную программу. Как следует из рисунка Рисунок 2, в 8-9-х классах почти треть учителей считает, что 5-10% учащихся не осваивают школьную программу и еще от 20 до 30% педагогов убеждены, что учебную программу не осваивает от 10 до 15% учеников. Таким образом, по мнению 50-60% учителей, не успешными в учебе в 8-9-х классах школы является 5-15% их учеников. В 10-11-х классах, т. е. после ухода части выпускников 9 класса в организации СПО, доля неуспевающих учащихся снижается. Так, только 13-17% учителей считают, что в этих классах не осваивают учебную программу от 10 до 15% учеников, а еще примерно 20% учителей оценивают долю неуспешных учащихся в 10-11-х классах в 5-10%. При этом все учителя полагают, что именно отсеб слабых учащихся после 9-ого класса приводит к снижению доли тех, кто не может справиться с освоением школьных предметов в старшей школе. Таким образом, селекция учащихся после 15 лет рассматривается российскими учителями как положительное явление (в отличие от Шляйхера).

**КАКОЙ ПРОЦЕНТ УЧАЩИХСЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НЕ МОЖЕТ ПОЛНОСТЬЮ ОСВОИТЬ
ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ?**

Мнение учителей, %

Источник: Мониторинг эффективности школы. 2018г.

37

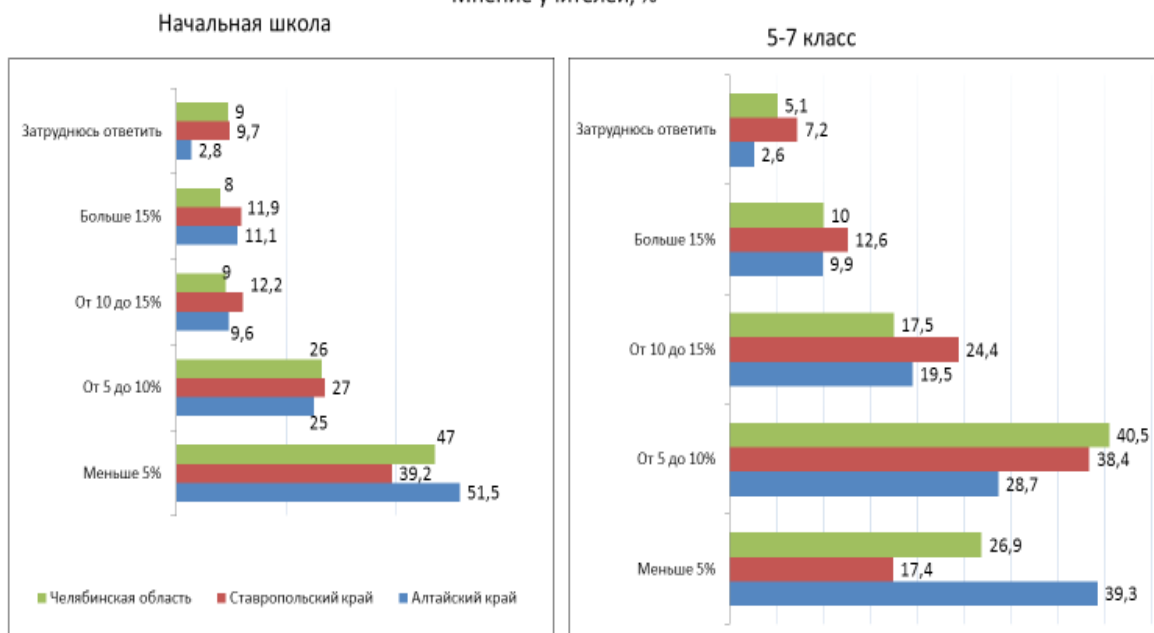
Примечание – Источник: Мониторинг эффективности школы ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2018 г.

Рисунок 2 – Доля учащихся, которые по мнению учителей, не осваивают учебную программу в 8–9-х и 10–11-х классах, %

Следует отметить, что неуспешность учащихся учителя отмечают и в младших классах школы, при этом она не преодолевается в процессе обучения, а нарастает с 1 по 9 класс (рисунок Рисунок 3).

**КАКОЙ ПРОЦЕНТ УЧАЩИХСЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, НЕ МОЖЕТ ПОЛНОСТЬЮ ОСВОИТЬ
ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ?**

Мнение учителей, %

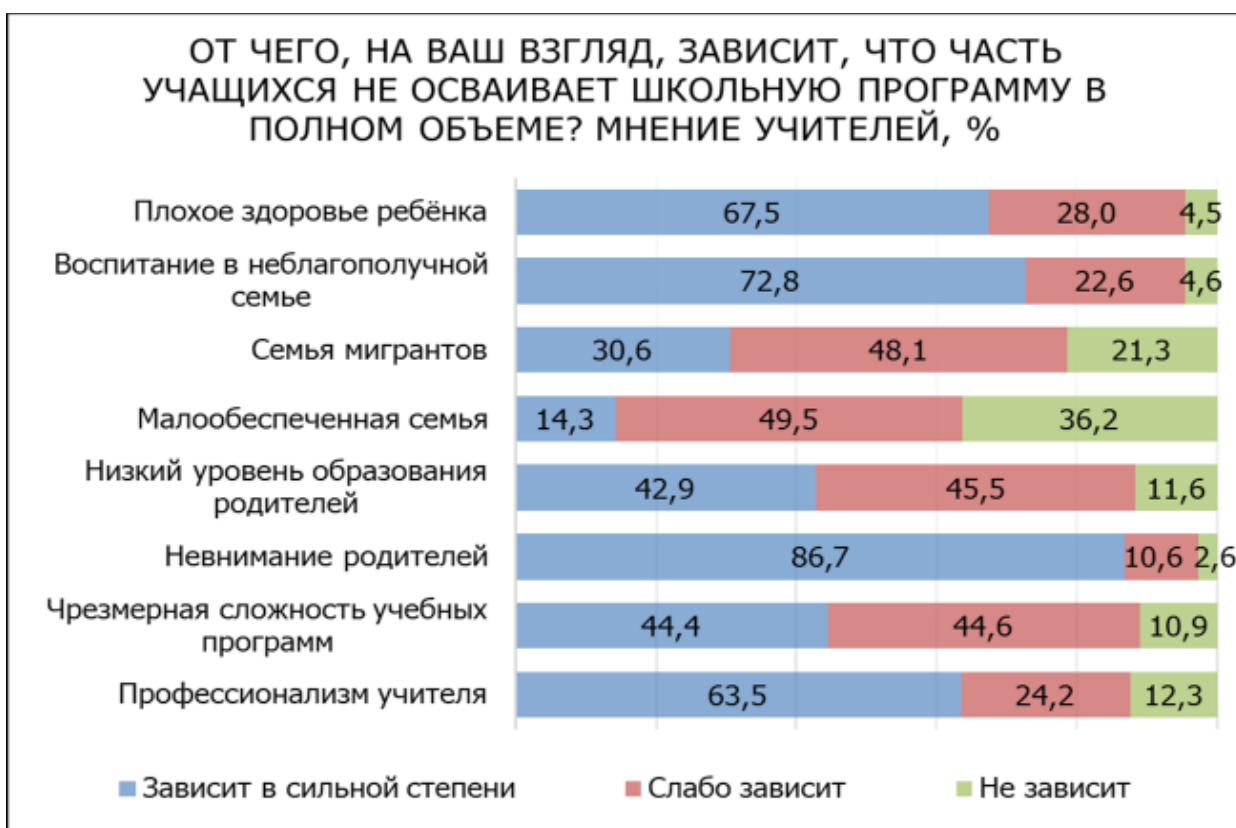

Примечание – Источник: Мониторинг эффективности школы ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2018 г.

Рисунок 3 – Доля учащихся, которые по мнению учителей, не осваивают учебную программу в начальной школе и 5–7-х классах, %

Как видим (рисунок Рисунок 3), неосвоение учебной программы характерно даже для начальной школы, основная задача которой научить детей читать, считать и писать. При переходе в основную школу неуспешность детей в учебе растет, и учителя не могут или не стремятся ее преодолеть.

Учителя, как показал Мониторинг, в явном виде не связывают неуспешность учащихся с малообеспеченностью (бедностью) их семей (рисунок Рисунок 4).

Примечание – Источник: Мониторинг эффективности школы ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2018 г.

Рисунок 4 – Мнение учителей о факторах (причинах) неуспешности их учеников, %

Только 14,3% учителей считают, что неуспешность ребенка, который не может освоить школьную программу, в сильной степени зависит от малообеспеченности семьи, но 49,5% полагают, что в средней степени она все же зависит от указанного фактора. Таким образом, получается, что почти 2/3 учителей ощущают наличие данной связи. В то же время в явном виде они фиксируют как сильно влияющие на неуспешность в учебе другие факторы: плохое здоровье ребенка, невнимание к нему родителей, неблагополучие семьи и низкий уровень образования родителей. Но если рассмотреть эти факторы (причины), согласно которым ребенок не может освоить школьную программу, то бедность семьи проявляется значительно более отчетливо, чем в прямом ответе на поставленный вопрос. Плохое здоровье ребенка может быть и часто бывает следствием бедности семьи, поскольку она не может заплатить за необходимое, но достаточно дорогое лечение, при этом положение со здоровьем ребенка может быть не столь тяжелым, чтобы семье помогали благотворительные фонды. Но учиться такому ребенку трудно: он по болезни пропускает много занятий, а у родителей не хватает времени, желания (причина неуспеха – невнимание родителей) или знаний (низкий уровень образования родителей), чтобы ему помочь, а также денег, чтобы нанять репетитора. Школа же, к сожалению, очень редко работает с данными детьми, занимаясь с ними дополнительно.

Невнимание родителей к ребенку тоже может быть связано с тяжелой экономической ситуацией в семье, когда родители вынуждены не только работать, но и подрабатывать, чтобы как-то свести концы с концами. В этом

случае у них не хватает времени заниматься ребенком (или с ребенком), они, кроме того, довольно часто считают, что образование их детей – функция школы (что отчасти справедливо).

Неблагополучие в семье нередко обусловлено плохим материальным положением – отсутствием работы, алкоголизмом или наркоманией одного или обоих родителей, что ведет к скандалам и тяжело психологически травмирует ребенка, у него пропадает желание учиться или дома просто отсутствуют условия для занятий.

Низкий уровень образования родителей, как правило, сильно также коррелирует с малообеспеченностью, поскольку работнику с низким уровнем образования трудно найти хорошо оплачиваемую работу – он в основном может претендовать на места тяжелого, малоквалифицированного труда.

Следует отметить, что учителя в своих оценках отставания детей, неспособности их освоить школьную программу были достаточно самокритичны: 63,5% из них указали, что причиной сложившейся ситуации в весьма значительной степени является низкий профессионализм самих педагогов. Из этого заключения, в частности, можно сделать вывод, что почти 2/3 учителей не умеют работать с трудным контингентом, особенно с подростками из бедных семей.

Таким образом, неуспешность детей в учебе в огромной степени связана с бедностью их семей, а получение плохого школьного образования в свою очередь ведет к проблемам в получении профессионального образования, а затем к сложностям в трудоустройстве.

Введение ОГЭ и ЕГЭ, с одной стороны, закрепило такое положение вещей (хотя предполагалось, что ОГЭ и ЕГЭ, напротив, обеспечат вертикальную мобильность молодежи), а с другой, сделало его значительно более наглядным для общества. Реакция на очевидность данных процессов была парадоксальной: появилось достаточно мощное движение родителей за отмену ОГЭ и ЕГЭ.

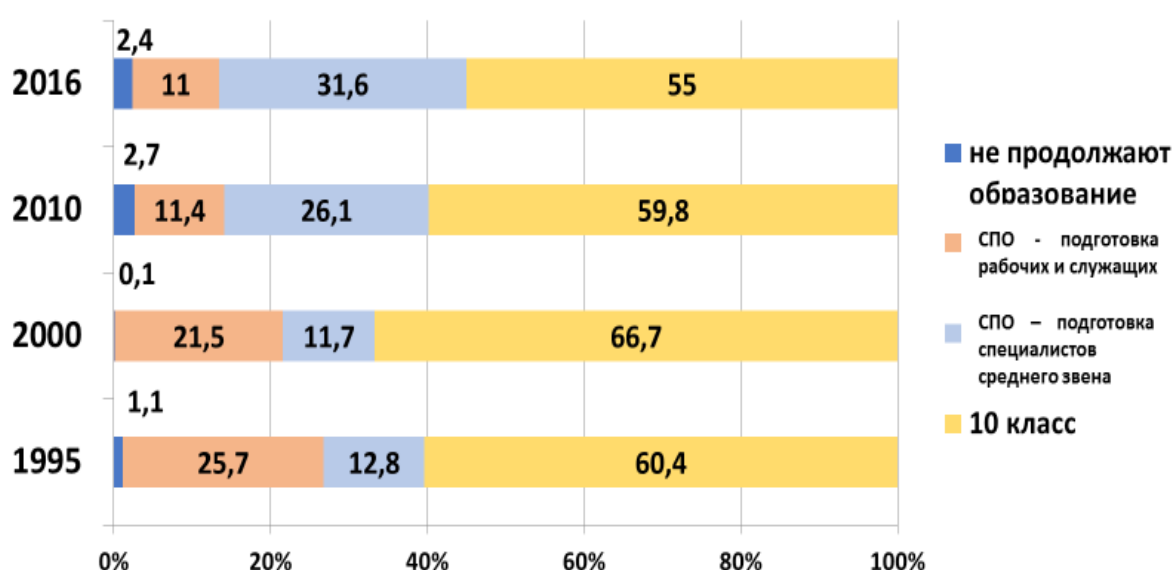
С 2009 г. с введением единого экзамена в штатный режим начал формироваться обходной путь в вузы, минуя ЕГЭ: переход после окончания 9 класса части учащихся в организации среднего профессионального образования, поскольку выпускник системы СПО мог поступать в вуз по профилю полученного образования без сдачи единого государственного экзамена.

Введение в 2014 г. основного государственного экзамена и ликвидация начального профессионального образования как уровня образования, а также интеграция программ подготовки рабочих кадров в организации СПО привела к тому, что стала сокращаться доля выпускников 9 класса, переходящих в 10 класс. При этом школы и учителя стремятся к тому, чтобы значительная часть слабо успевающих учащихся, окончивших 9 класс, ушла из школы. Соответственно, стали расти контингенты студентов в организациях СПО. Этот тренд совпал с призывами органов как федеральных, так и региональных властей к молодежи получать рабочие профессии и учиться на специалистов среднего звена, поскольку работодатели якобы предъявляют спрос на работников с данными уровнями образования. Полученный результат стал рассматриваться, как доказательство успешности пропагандистской (не профориентационной) работы в среде молодежи. Однако в действительности дело обстоит во много раз сложнее. При этом не просчитаны последствия

такой политики и для борьбы с бедностью, и для повышения в России величины человеческого капитала.

3 Ориентация на получение среднего профессионального образования и проблема бедности

В России за последние 30 лет кардинально изменилась ситуация с доступностью высшего образования: в РСФСР в 1987 г. в вузы поступало 7,5% детей, которые в свое время пришли в первый класс школы. В 2016 г. эта доля составила 48%, т. е. в 6,4 раза [6]². Таким образом, в стране произошел колоссальный социальный сдвиг, который сформировал на долгие годы вперед для детей из самых разных социальных слоев нацеленность на получение высшего образования, сделав его наличие социальной нормой (см. рисунок Рисунок 1: наличие хотя бы у одного из родителей высшего образования повышает до 69% вероятность его получения детьми). Вместе с тем в последние несколько лет положение с переходом после окончания 9 класса в 10 класс значительно изменилось (рисунок Рисунок 5).

36

Примечание – Источник: [7].

Рисунок 5 – Доли учащихся, окончивших 9 класс, которые перешли на различные программы в систему СПО или в 10 класс средней школы, %

Как следует из рисунка Рисунок 5, в 2000 г. в 10 класс переходило примерно 2/3 выпускников 9 класса, в 2010 г. – почти 60%, в 2016 г. – уже только 55%. При этом существенно изменились доли тех, кто идет на программы подготовки рабочих кадров, и тех, кто идет на программы подготовки специалистов среднего звена: в 1995 г. из поступивших в организации СПО 66,7% шли учиться на программы подготовки рабочих и служащих, а треть – на программы подготовки специалистов среднего звена; в 2016 г. на программы ПСЗ поступало 74,2%, а чуть более четверти на программы ПКРС. Во многом этот сдвиг стал результатом ликвидации начального профессионального образования (пресловутых ПТУ) как уровня профессионального образования и интеграции учебных заведений НПО и СПО, при этом резко расширился прием на базе 9 класса на программы подготовки

² Расчеты авторов по данным ЦСУ СССР и Росстата (данные за 2016 г.).

специалистов среднего звена. Раньше на указанные программы (ППСЗ) поступали в основном выпускники 11 класса школ.

Соответственно, в советские годы выпускники 8 класса (тогда была восьмилетка, 9-летка пришла ей на смену уже в современной России, как и 11-летка) шли в основном учиться в учебные заведения начального профессионального образования (до 70% от численности поступивших в свое время в 1 класс). После окончания школы 25% поступали в вузы (7,5% от пришедших в 1 класс), а 65% шли учиться в ссузы (средние специальные учебные заведения), остальные уходили служить в армию или начинали работать. Это означало, что в РСФСР в первую очередь осуществлялась подготовка рабочих кадров, численность специалистов с высшим образованием) росла медленно, более быстрыми темпами росла численность специалистов среднего звена, получивших среднее специальное образование (техники, воспитатели детских садов и учителя начальных классов, фельдшеры и медицинские сестры, библиотекари и культмассовые работники и т. п.). В советское время в РСФСР в ссузы поступало примерно 18% от численности детей, поступивших в 1 класс. Следует учитывать, что большинство рабочих мест в СССР и РСФСР, были рабочими местами тяжелого малоквалифицированного труда. Это вело к тому, что государство серьезно поддерживало высокий (повышенный) уровень заработной платы работников, занимавших эти рабочие места³. Как только исчезла достаточно серьезная поддержка государством заработных плат рабочих по идеологическим мотивам [8]⁴, средняя заработная плата работников с начальным профессиональным образованием (рабочих и служащих) стала снижаться относительно средней заработной платы работников с высшим образованием (таблица Таблица 1). Соответственно, именно данная категория работников – рабочие (включая сельскохозяйственных рабочих – бывших колхозников) и служащие – стали в большинстве своем либо новыми российскими бедными, либо низшим средним классом.

Таблица 1 – Средняя заработная плата работников с разным уровнем образования относительно средней заработной платы работников с высшим образованием (средняя заработная плата работников с ВО принята за 100%), %

Уровень образования работника	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2017
высшее	100	100	100	100	100	100	100
среднее профессиональное	67,8	66,5	62,7	63,2	62,4	62,1	60,0
начальное профессиональное	71,4	68,2	62,9	66,0	62,6	62,6	60,6
среднее	67,9	66,2	60,7	61,9	59,9	59,8	58,4

³ Так, заработная плата шахтера составляла 700 руб. в месяц, а доктора наук – 500 руб. в месяц.

⁴ Средний уровень заработных плат в промышленности в советское время был самым высоким, а средняя заработная плата рабочего, как правило, превышала среднюю заработную плату инженера или техника.

(полное) общее							
основное общее	56,4	56,1	50,7	53,4	56,6	54,7	54,5
не имеют основного общего	50,7	50,5	44,3	48,6	51,9	54,9	60,2

Примечание – Источник: рассчитано по данным Росстата.

Быстрый рост с 1994 г. численности молодежи, получающей высшее образование, с одной стороны, скомпенсировал обесценение человеческого капитала в России в период трансформационного кризиса, а с другой, уже в 2000-е годы позволил резко снизить уровень бедности в стране. В 2018 г. в общей численности занятых удельный вес работников с высшим образованием составил 33,6% (таблица Таблица 2) [9].

Таблица 2 – Структура занятых в возрасте 15–72 лет по уровню образования, %

Год	Всего	в том числе имеют образование						
		высшее	неполное высшее профессиональное	среднее профессиональное		среднее общее	основное общее	не имеют основного общего
				по программе подготовки специалистов среднего звена	по программе подготовки квалифицированных рабочих, служащих			
Занятые – всего								
2006	100	25,1	1,7	26,1	18,4	22,1	6,1	0,6
2007	100	26,3	1,5	26,1	18,0	22,3	5,3	0,5
2008	100	27,2	1,6	26,7	18,6	20,8	4,5	0,5
2009	100	28,4	-	27,1	18,8	20,9	4,5	0,4
2010	100	29,1	-	27,1	19,6	19,9	4,0	0,3
2011	100	29,8	-	27,0	19,4	19,6	3,9	0,3
2012	100	30,4	-	26,2	19,5	19,9	3,7	0,3
2013	100	31,7	-	25,8	18,5	20,2	3,5	0,3
2014	100	32,2	-	25,8	19,0	19,2	3,5	0,2

2015	100	33,0	-	25,8	19,2	18,4	3,4	0,2
2016	100	33,5	-	25,9	19,2	18,1	3,2	0,2
2017	100	34,2	-	25,7	19,2	17,4	3,3	0,2
2018	100	33,6	-	25,3	19,5	17,6	3,7	0,3

Примечание – Источник: Росстат.

Как следует из таблицы Таблица 2, в 2018 г. впервые за рассматриваемые годы удельный вес работников с высшим образованием в общей численности занятых стал снижаться. С 2017 г. стал снижаться и удельный вес работников со средним профессиональным образованием (специалисты среднего звена). В целом удельный вес работников с третичным (среднее профессиональное и высшее) образованием в общей численности занятых в 2018 г. снизился на 1 п. п.

А вот удельные веса работников с начальным профессиональным образованием (подготовка рабочих и служащих) и работников, не имеющих профессионального образования, в 2018 г. выросли, соответственно, на 0,3 п. п. и на 0,7 п. п.

Вместе с тем данные 2018 г. по удельному весу рабочих кадров⁵ в общей численности занятых в Российской Федерации вызывают определенные сомнения, поскольку прием, численность студентов и выпускников организаций СПО, подготовленных на ППКРС, все последние годы снижается (таблица Таблица 3) [10], [11].

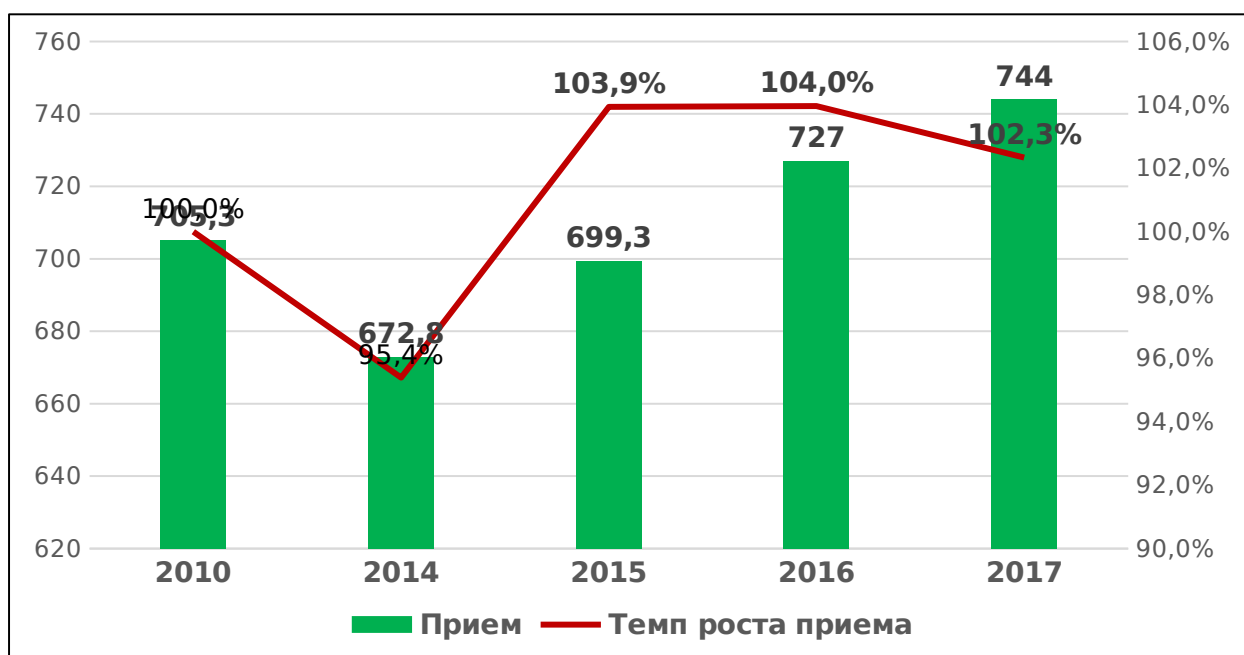
Таблица 3 – Подготовка рабочих и служащих, тыс. чел.

Показатель численности студентов	2000	2010	2014	2015	2016	2017
Численность студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих,	1679	1007	727	686	563	557
Принято на обучение	845	609	416	396	224	220
Выпущено квалифицированных рабочих, служащих	763	581	403	368	199	194

Примечание – с 2015 г. в численности студентов, обучающихся на ППКРС, учитываются и платные студенты; источник: Росстат.

Напротив, прием, численность студентов организаций СПО, обучающихся на программах подготовки специалистов среднего звена, а также выпускников этих программ в последние несколько лет растут (рисунки Рисунок 6–Рисунок 8) [10], [11].

⁵ Работников, окончивших программы подготовки квалифицированных рабочих и служащих (в старой классификации уровней образования – работников, получивших начальное профессиональное образование).

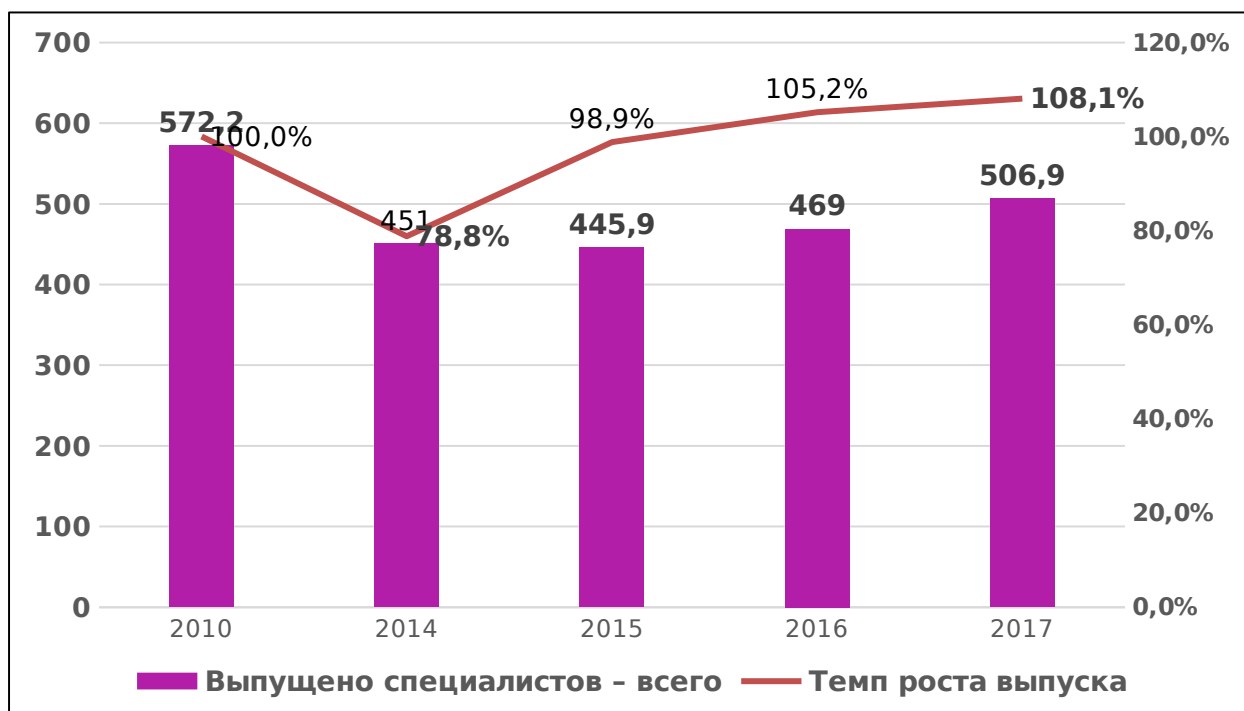
Примечание –Источник: Росстат.

Рисунок 6 – Прием на обучение в организации СПО на программы подготовки специалистов среднего звена (тыс. чел.) и темп роста приема (%)

Примечание – Источник: Росстат.

Рисунок 7 – Численность студентов организаций СПО, обучающихся на программах подготовки специалистов среднего звена (тыс. чел.) и темп роста численности студентов (%)

Примечание – Источник: Росстат.

Рисунок 8 – Выпуск студентов из организаций СПО, получивших образование на программах подготовки специалистов среднего звена (тыс. чел.) и темп роста численности студентов (%)

Как хорошо видно на рисунках выше, начиная с 2015 г., прием, численность студентов и выпуск специалистов среднего звена из организаций СПО всех форм собственности стабильно растет, что, вообще говоря, должно вести к постепенному увеличению удельного веса этих специалистов в общей численности занятых.

Что касается роста удельного веса работников, не имеющих профессионального образования, то это 1) может быть связано с ростом численности трудовых мигрантов без профессионального образования, прибывающих в Россию из ближнего зарубежья, 2) ростом численности выпускников 9 и 11 классов, выходящих на рынок труда сразу после окончания 9 класса или школы, 3) продолжением трудовой деятельности части работников пенсионного возраста с низким уровнем образования в силу падения доходов в период кризиса, 4) некоторым изменением структуры занятых в силу присоединения Крыма.

Гипотезы 1 и 2 не подтверждаются данными Росстата, гипотеза 3 частично подтверждается, поскольку растет доля работающих пенсионеров. Кроме того, в 2017 г. до 31,7% увеличилась доля неквалифицированных работников, которые продолжают трудовую деятельность в возрасте 55–59 лет, по сравнению с 17,0% в 2015 г. Вместе с тем, в 2017 г. никаких особых изменений в структуре занятых не произошло, так что данные 2018 г. требуют более тщательной проверки.

Мы подробно остановились на изменении структуры занятых по уровню образования, поскольку она показывает, в частности, что в ближайшем будущем все же более вероятен тренд на рост доли работников с третичным образованием (в настоящее время она составляет почти 60%), а

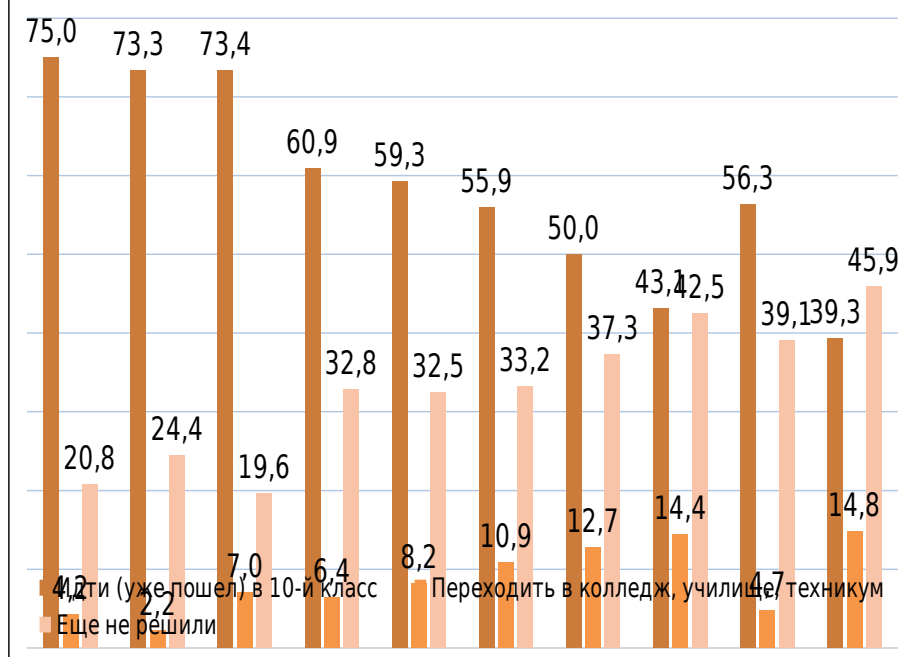
следовательно, будет поддерживаться и даже усиливаться ориентация семей на получение их детьми образования не ниже подготовки специалистов среднего звена. В принципе, это означает, что бедность будет постепенно сокращаться, если повысить качество как общего, так и профессионального образования третичного уровня и обеспечить большую доступность качественного образования для детей из малообеспеченных слоев населения. Вместе с тем, рост доли выпускников 9-х классов, поступающих в организации СПО, и одновременно снижение стремления самих молодых людей получать высшее образование (для их родителей необходимость получения высшего образования не подлежит сомнению), означает, что в системе российского образования происходят серьезные сдвиги, которые пока не получили адекватного (внятного) объяснения. Возможно, что здесь сходятся несколько факторов:

- желание школы избавиться от неуспешных учащихся;
- желание некоторой части вполне сильных школьников побыстрее выйти на рынок труда и зарабатывать, при этом они считают, что высшее образование можно будет получить, если в этом возникнет необходимость;
- получение среднего профессионального образования (подготовка специалистов среднего звена) рассматривается родителями, как обходной путь ЕГЭ и в то же время как возможность переложить на самого ребенка бремя по оплате обучения в вузе, так как поступить на бюджет ребенку с низкими баллами ОГЭ, по их мнению, будет трудно, а нанимать репетиторов большинство из них не в состоянии в силу экономических причин;
- требование работодателей к большей практикоориентированности профессионального образования;
- снижение до 1 года обязательного срока службы в армии, которая в силу этого уже не воспринимается семьями, как препятствие к получению высшего образования ребенком, с одной стороны, и как угроза здоровью (жизни) их детей, с другой.

Последние данные Мониторинга эффективности школы⁶ показывают, что на переход в систему СПО все же в наибольшей степени ориентированы подростки из семей с низкими доходами (рисунок Рисунок 9).

⁶ Проводится Центром экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС с 2013 г.

ГДЕ СОБИРАЕТСЯ РЕБЕНОК ПРОДОЛЖАТЬ ОБУЧЕНИЕ ПОСЛЕ 9 КЛАССА? МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ

Примечание – Источник: Мониторинг эффективности школы ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2018 г.

Рисунок 9 – Образовательные планы после окончания 9 класса, в зависимости от уровня материальной обеспеченности семьи, %

Следует также отметить, что до известной степени ориентация семей на систему СПО показывает, что на региональных рынках труда пока сохраняется достаточно хорошая ситуация с трудоустройством молодежи, получившей образование на программах подготовки специалистов среднего звена, поэтому родители в большинстве своем перестали рассматривать вузы, как социальные сейфы, обеспечивающие некоторое занятие и социальный статус для молодых людей в противовес их втягиванию в криминальные структуры или приобщению к наркотикам.

4 Уровень образования работников, занятых в неформальном секторе, и бедность

Среди занятых в неформальном секторе присутствуют работники с высшим образованием, но, если говорить о работниках, имеющих профессиональное образование, то здесь преобладают те, кто имеет рабочие профессии (таблица Таблица 4) [12].

Таблица 4 – Структура занятых в неформальном секторе в возрасте 15–72 лет по уровню образования, %

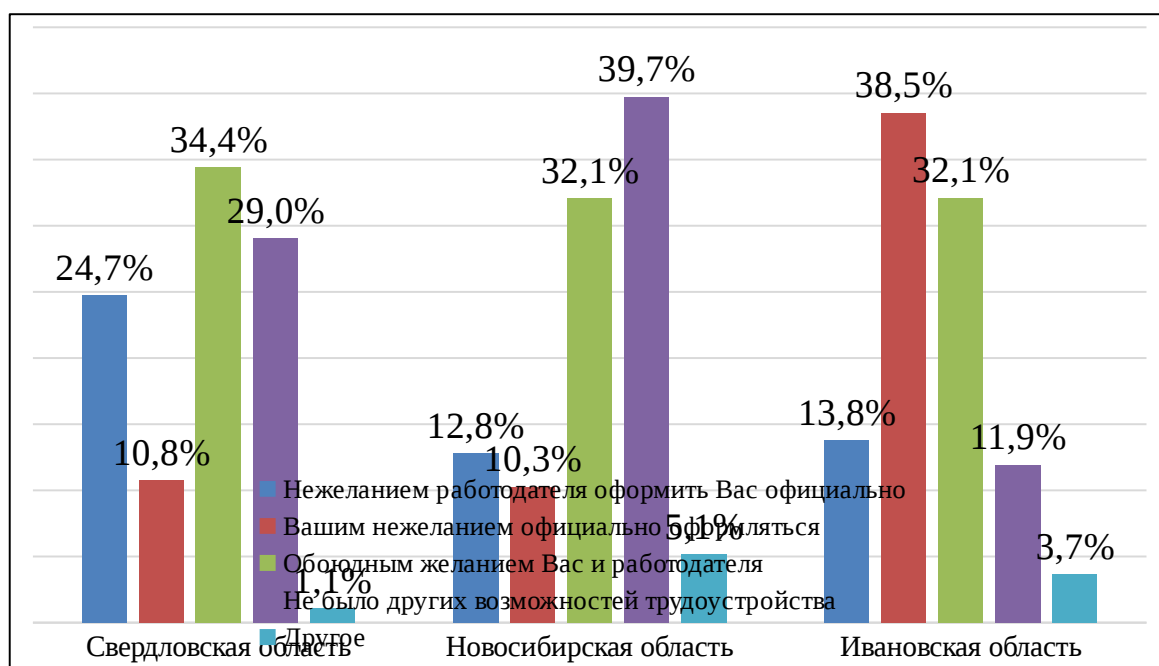
Год	Всего	в том числе имеют образование						
		высшее	неполное высшее профессиональное	среднее профессиональное		среднее общее	основное общее	не имеют основного общего
				ППССЗ	ППКРС (ранее НПО)			
Всего								
2006	100	11,6	1,7	20,8	21,2	31,0	11,7	1,9
2007	100	12,2	1,6	21,6	20,3	31,9	10,8	1,6
2008	100	13,0	1,7	22,8	21,6	30,9	8,6	1,5
2009	100	14,5	-	22,9	21,3	31,4	8,9	1,1
2010	100	14,5	-	22,3	22,1	31,5	8,4	1,1
2011	100	14,7	-	22,4	22,7	31,1	8,1	1,0
2012	100	14,9	-	22,2	22,4	32,2	7,6	0,7
2013	100	15,8	-	21,8	22,1	32,2	7,4	0,7
2014	100	16,7	-	22,0	22,9	30,5	7,2	0,6
2015	100	17,1	-	22,2	23,2	30,1	6,9	0,6
2016	100	17,6	-	22,7	23,8	28,8	6,6	0,5
2017	100	18,1	-	22,7	24,0	28,0	6,6	0,5

Примечание – Источник: Росстат.

В 2017 г. по сравнению с 2016 г. наиболее сильно вырос удельный вес неформально занятых работников с высшим образованием – на 0,5 п. п., удельный вес специалистов среднего звена остался на уровне 2016 г., а удельный вес работников, получивших образование на ППКРС, увеличился на 0,2 п. п. Падает же в основном удельный вес работников без профессионального образования. Вместе с тем остается достаточно высоким удельный вес в общей численности неформально занятых работников, получивших только полное среднее образование: он в 2017 г. составил 28%.

Неформально занятые – это фрилансеры (без оформления договоров гражданско-правового характера), самозанятые без оформления своей деятельности, предприниматели, имеющие небольшой бизнес, который находится в тени, и наемные работники, которые часто работают

неформально по взаимному согласию с работодателем, а нередко в силу того, что по-другому не имеют возможности получить рабочее место (рисунок Рисунок 10).

Примечание – Источник: Мониторинг трудоустройства молодежи ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, сентябрь 2018 г.

Рисунок 10 – Причины неформальной работы молодых наемных работников. С чем связано то, что Вы работаете без оформления? %

В неформальном секторе заработная плата наемного работника, как правило, ниже заработка работника, который официально оформлен. Соответственно, неформальный сектор экономики также порождает бедность (хотя в ряде случаев, напротив, несколько ее уменьшает). И одной из весомых причин неформальной занятости является низкокачественное профессиональное образование молодого работника или отсутствие у него такового. В данном случае борьба с бедностью состоит в том, чтобы обеспечить упомянутым наемным работникам доступность программ повышения квалификации или профессиональной переподготовки, и обеспечить их востребованными рынком труда компетенциями (знаниями, навыками), которые получит в процессе прохождения программ ДПО обучающийся. Кроме того, для предотвращения попадания молодежи в сферу неформальной занятости необходимо повышать общий уровень профессионального образования, в том числе высшего, обеспечивать обновление в нем структуры направлений подготовки и специальностей, а также образовательных программ, поддерживать образовательную и трудовую миграцию молодежи.

5 Национальный проект «Образование» и возможности его использования для борьбы с бедностью

В Национальный проект «Образование» входят десять Федеральных проектов, которые в той или иной степени могут использоваться для борьбы с бедностью. Однако в настоящее время данная задача, как уже было отмечено, четко не поставлена. Поэтому представляется, что система образования не будет играть значимую роль в преодолении бедности в ближайшие 6 лет. Между тем небольшое смещение фокуса в указанных Федеральных проектах и расстановка соответствующих акцентов могли бы серьезно изменить ситуацию.

Федеральный проект «Современная школа»

В принятом Федеральном проекте «Современная школа» проблемам бедности и качества образования детей из социально уязвимых групп населения не уделяется специального внимания. Вместе с тем проект решает несколько проблем:

- Во-первых, проблему обновления предметной области «Технология», то есть стремление дать учащимся представление о современных технологиях и побудить значительную их часть ориентироваться в будущем на профессиональную деятельность в технологической сфере, а также обеспечить эффективное использование современных технологий в повседневной жизни.
- Во-вторых, проблему третьей и, частично, второй смен в школах путем создания новых и реконструкции старых школ. Кроме того, эта мера позволит использовать в указанных школах принципиально новые образовательные технологии, что должно привести к повышению качества образования.
- В-третьих, это совершенствование инфраструктуры сельских школ, создание в них материально-технической базы для реализации основных и дополнительных общеобразовательных программ цифрового, естественнонаучного, технического и гуманитарного профилей.
- В-четвертых, качество общего образования будет оцениваться на основе практики международных исследований качества образования. Фактически будет выстроена система оценки качества образования, обеспечивающая сопоставимость российского подхода к его оцениванию с международными методами.

Можно считать, что поскольку проект «Современная школа» уделяет внимание повышению качества образования, в том числе в сельской местности и поселках городского типа, а значительная часть бедных семей сосредоточена именно в указанных типах поселений, то реализация указанного проекта позволит в следующем поколении уменьшить бедность соответствующих групп населения. Однако для обеспечения эффективности борьбы с бедностью необходимо, чтобы определенные мероприятия проекта целенаправленно «работали» на учащихся, плохо осваивающих учебную программу. А это в свою очередь требует изменения оценки деятельности школ и способов управления образованием, в частности, как ни парадоксально это звучит, отказа от практики рейтингования школ и селективного подхода к учащимся, о чем пишут М. Барбер и А. Шляйхер. При этом селективность понимается не только как разделение учащихся на сильные и слабые классы, но и как представление школ и учителей, что есть часть детей, которые заведомо не могут учиться хорошо и они портят показатели школы. Школы должны поощряться в первую очередь не за успехи

сильных учащихся, а за доведение слабых до среднего уровня, за создание у этих учащихся представления о том, что их усилия будут оценены по достоинству. Это потребует серьезной перестройки мотивов работы школы, в том числе взаимодействия с родителями прежде всего сильных детей, поскольку именно эти родители, как было отмечено выше, стремятся к выделению их детей в особые группы (классы). Кстати, создание лицеев при престижных вузах – это также один из механизмов селекции, так как эти лицеи не принимают наряду с успешными детьми тех, кто успевает хуже.

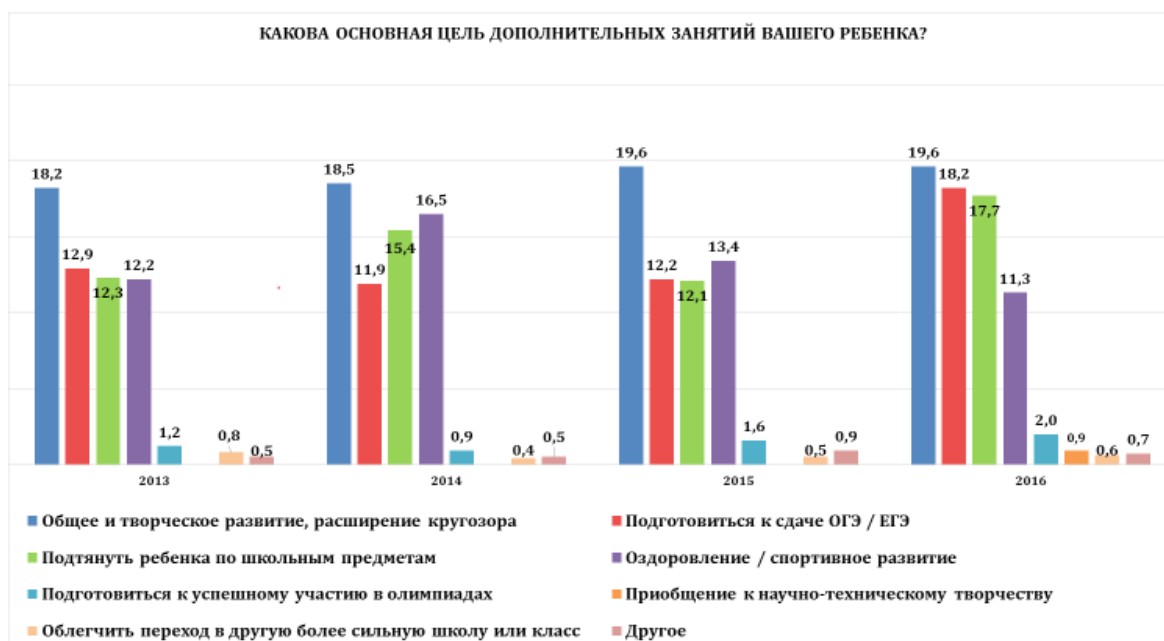
Федеральный проект «Успех каждого ребенка»

Данный федеральный проект ориентирован на развитие дополнительного образования детей и профессиональную ориентацию подростков (молодежи)⁷ до 18 лет. Это важный и нужный проект в силу того, что во всем мире именно дополнительное образование детей становится инструментом индивидуализации (персонализации) общего образования, обеспечивая, с одной стороны учет индивидуальных интересов учащихся, а с другой, позволяя им выявить те сферы деятельности, где они могут быть успешными. Другими словами, в системе дополнительного образования ребенок может попробовать себя в разных типах деятельности и выбрать те, которые его заинтересуют, без каких-либо, что очень важно, оценок «образовательного» результата в отличие от формальной общей системы образования. В этой системе возможен отсев ребенка, если у него нет способностей, например из художественных или музыкальных школ, которые опять-таки нацелены на выявление и работу с талантливыми детьми, а не на приобщение к искусству (творчеству) всех детей, что крайне важно. Можно научить ребенка хуже или лучше рисовать, но главное – научить его любить и понимать живопись. То же самое относится и к музыкальному образованию. Представляется, поэтому, что зачет в системе формального (школьного) образования результатов, полученных детьми в системе дополнительного образования, может существенно исказить работу указанной системы. Во всяком случае, к этому зачету результатов обучения, к фактическому включению части организаций дополнительного образования детей в систему школьного образования «на сетевой основе» нужно подходить крайне аккуратно.

В настоящее время охват детей 5–18 лет дополнительным образованием составляет 71% согласно паспорту Национального проекта «Образование». В 2024 г. эта цифра должна быть повышена до 80%, или на 8 п. п.

Как следует из Мониторинга эффективности школы, основные цели, которые родители решают за счет дополнительного образования их детей, следующие (рисунок Рисунок 11).

⁷ В России молодежью считаются индивиды в возрасте 14–30 лет.

Примечание – Источник: Мониторинг эффективности школы ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2018 г.

Рисунок 11 – Цели дополнительных занятий школьников, %

Как следует из рисунка Рисунок 11, основной целью родителей является общее и творческое развитие ребенка, расширение его кругозора – 19,6%. Дальше следуют более прагматические задачи:

- подготовить ребенка к задаче ОГЭ/ЕГЭ – 18,2%;
- подтянуть ребенка по школьным предметам – 17,7%;
- оздоровление/спортивное развитие – 11,3%.

Остальные цели и задачи, с точки зрения родителей, не столь важны. Так, приобщение к научно-техническому творчеству считает актуальным только 0,9% опрошенных родителей. Данные мониторинга во многом подтверждают данные Росстата о численности детей, вовлеченных в различные виды дополнительных занятий (таблица Таблица 5) [11].

Таблица 5 – Численность детей, вовлеченных в различные виды дополнительного образования, тыс. чел.

Направление деятельности	Численность учащихся в них, тыс. чел.				
	2000	2010	2015	2016	2017
Всего (по данным Минпросвещения России)	7905,8	8083,3	11010	11079,9	10825,4
в том числе: /					
работающие по всем видам образовательной деятельности	4411,8	4645,5	5097,4	5089,1	5238,5
художественные	294,6	627,2	1736,7	1901,9	1973,5

эколого-биологические	367, 6	281, 2	206, 6	194,8	189,4
туристско-краеведческие	206, 8	175, 3	149, 6	153,3	154,8
технические	434, 2	268, 4	200, 8	207,1	229,1
спортивные/	1981 ,3	1790 ,5	2978 ,8	2891, 6	2444
военно-патриотические и спортивно-технические/	101, 2	70	60,2	51,9	49
другие /	108, 3	225	579, 8	590,2	547
Детско-юношеские спортивные школы (по данным Минспорта России)	866, 2	1455 ,7	2000 ,5	1677	1136
Детские музыкальные, художественные, хореографические школы и школы искусств (по данным Минкультуры России)	1284 ,5	1433	1533 ,4	1555, 1	1596, 4

Примечание – Источник: Росстат.

В «чисто» технических организациях дополнительного образования детей занималось в 2017 г. 229,1 тыс. детей, или 2% от численности всех обучающихся. Еще какое-то число детей могли по программам технической направленности заниматься в организациях, работающих по всем видам образовательной деятельности, но вряд ли более 3–5%, судя по слабому стремлению родителей отдавать детей в соответствующие кружки и организации. Это ставит под сомнение и успешность реализации в школах обновленных образовательных программ в рамках предметной области «Технология», поскольку, как показывает статистика, дети (подростки) и их родители не проявляют к техническому творчеству значительного интереса. Развитие детских технопарков «Кванториумов» несомненно, улучшит ситуацию, но, представляется, что довести к 2024 г. общую численность детей, занимающихся в указанных технопарках, до 2 млн чел., будет достаточно сложно (это рост за 6 лет в 5–6 раз). Здесь большой опасностью является «накрутка» требуемого результата. Вместе с тем, и создание «Кванториумов», и выявление талантливых детей с использованием опыта Образовательного центра «Талант и успех» не решает само по себе задачи борьбы с бедностью (эта задача, подчеркнем еще раз, даже не ставится). Понятно, что массовое вовлечение детей в дополнительное образование должно в известной мере «работать» на уменьшение бедности, однако, как показывает мониторинг эффективности школы, для большинства населения принципиально важным является, чтобы дополнительное образование развивалось прежде всего в школах. Между тем, по данным того же мониторинга, только 10% школ в сельской местности предоставляют соответствующие образовательные услуги. Аналогичная ситуация выявлена в поселках городского типа, где нет развитой инфраструктуры ДОО. При этом, как видно из рисунка Рисунок 11, родителям важны дополнительные занятия по предметам, по которым ребенок не успевает. Для учащихся из семей с низким уровнем культурного, образовательного и социального капиталов

такие занятия необходимы для того, чтобы они не стали неуспешными. Но такой задачи в Федеральном проекте «Успех каждого ребенка» не поставлено, поэтому дети из социально уязвимых слоев населения могут остаться без помощи со стороны школ и учителей (внимание будет сосредоточено на других мероприятиях, как и финансовые ресурсы), что повлечет за собой неосвоение учебной программы и, при отсутствии у семей возможности нанять репетитора, к слабым образовательным результатам этих детей. Тем самым произойдет их «закрепление» в статусе бедных (как результат невнимания общества к проблеме связи бедности и образования), неспособных (как результат отсутствия поддержки учащихся из малообеспеченных семей со стороны образовательных организаций) и неуспешных (как результат совместного действия указанных выше процессов).

Вместе с тем заложенная в проект еще одна задача – задача профессиональной ориентации молодежи также вполне эффективно может быть использована для снижения бедности путем лучшей подготовки молодых людей к выбору профессионального образования. Но эта деятельность должна быть адекватно встроена в общий контекст развития общего образования. Когда учащийся уже плохо учится, профессиональная ориентация может не давать нужного результата, существенно ограничивая его выбор профессии или специальности: система образования уже сработала, как система фильтров и не пропустила ребенка на более высокие профессиональные уровни. Соответственно, Федеральный проект «Успех каждого ребенка» мог бы быть применен и на федеральном, и на региональном уровнях для хотя бы частичного снижения бедности, но тогда он должен строиться на других основаниях, учитывая реальные запросы населения, особенно малообеспеченных семей с детьми, на получение дополнительного образования, а также, что не менее важно, на форматы его предоставления. Необходимо также отметить, что в выборки социологических исследований часто не попадают бедные семьи, поскольку родители, особенно если семья еще и неблагополучная, отказываются отвечать на вопросы интервьюеров. То же самое относится и к семьям мигрантов: они крайне неохотно вступают в контакты с социологами, поэтому практически нет информации об образовательных траекториях детей из указанных семей. Некоторые данные удастся получить, опрашивая учителей, которые учат детей мигрантов, но это дает все же достаточно одностороннее представление о происходящих в мигрантской среде процессах, связанных с образованием детей, которые нередко не владеют русским языком или владеют им плохо.

Федеральный проект «Поддержка семей, имеющих детей»

Федеральный проект «Поддержка семей, имеющих детей» нацелен на оказание родителям психолого-педагогической помощи при воспитании ребенка, в том числе усыновленного. Бедные семьи, как правило, нуждаются в такой помощи, поскольку их дети часто испытывают трудности в развитии и учебе. Вместе с тем в такой постановке и с такими показателями результатов данный проект вряд ли сможет оказывать необходимую помощь бедным семьям. Если это родители, которые, несмотря на бедность, стремятся воспитывать детей, то они будут бояться обратиться за помощью, поскольку будут считать, что детей у них могут отобрать. Если это родители, для которых дети, если не обуза, то безразличны, то они не будут получать психолого-педагогическую помощь, ибо в ней не заинтересованы (не понимают, что она им нужна). Следовательно, за консультациями будут

обращаться не наиболее нуждающиеся в таких услугах семьи (при этом они могут даже не осознавать потребность в помощи), а семьи более образованных и в силу этого лучше осознающих потребность в консультативной помощи родителей. Эти семьи будут и более состоятельными (скорее всего, это будут низший средний класс и средний класс). Для того, чтобы рассматриваемый проект стал инструментом, в том числе и борьбы с бедностью, он должен быть существенно изменен, в частности среди показателей KPI должны появиться индикаторы, которые нацеливали бы консультационные службы на работу с бедными семьями и фактически на преодоление «сопротивления среды», когда сами семьи, как уже было отмечено, не будут стремиться к получению психолого-педагогической поддержки в воспитании детей.

Федеральный проект «Цифровая образовательная среда»

Проект нацелен на развитие в системе образования цифровой образовательной среды, внедрения в школы и другие образовательные организации современных цифровых образовательных технологий. За счет развития цифровой образовательной среды должен быть обеспечен свободный доступ к многообразным образовательным ресурсам, размещенным на образовательных платформах. Соответственно, в рамках данного проекта может быть обеспечен доступ к качественному контенту для детей в сельской местности и отдаленных территориях (предполагается оснащение школ высокоскоростным Интернетом и гарантированным трафиком). Вместе с тем доступность качественных образовательных ресурсов еще не означает, что учащиеся будут ими активно пользоваться, что их интересы не будут смещены в сторону компьютерных игр. Как показывает мировой опыт, дети из семей среднего класса, как правило, ищут в интернете различную развивающую и учебную информацию, увлечение компьютерными играми и социальными сетями присутствует, но оно не занимает все время ребенка. Дети из бедных семей, напротив, основное время в Интернете тратят на игры и общение в социальных сетях, а на образовательные ресурсы заходят достаточно редко, так как учеба без эмоциональной поддержки со стороны родителей и учителей их, за редким исключением, не увлекает [13]. Таким образом, доступность Интернета может служить не выравниванию возможностей детей (особенно подростков) в образовании, а усилению их дифференциации [13]. Другими словами, современные информационно-коммуникационные средства обеспечивают не только доступность к качественному образованию, но могут стать и неформальными фильтрами на пути к освоению образовательных программ: без создания серьезной мотивации у учащихся, которую не создает их социальная среда, у детей из семей с низким культурным и социальным капиталами обычно происходит подмена занятий в сети. Кроме того, современный Интернет с его развитыми средствами общения создает новые возможности для буллинга (травли одних учащихся другими) без оставления «физических следов» на теле тех детей (подростков), которых некоторая группа начинает травить. Это может порождать серьезные эксцессы, к которым школа и организации профессионального образования в России пока еще слабо готовы. Соответственно, развитие цифровой среды порождает не только возможности, но и существенные риски, в том числе в вопросе увеличения разрыва между богатыми и бедными. При этом данный разрыв не будет измеряться привычными в настоящий момент мерками, как, например, дифференциацией дохода или наличием у семьи бытовой техники, включая телевизор или даже компьютер (ноутбук). Знаковыми различиями для

подростков или молодых людей может стать доступность престижных гаджетов, попадание в определенные (закрытые) френдгруппы в социальных сетях, число лайков на их постах. Эта новая цифровая реальность далеко не всегда осознается учителями (преподавателями в системе СПО) и родителями, особенно в малообеспеченных семьях.

Таким образом, Федеральный проект «Цифровая образовательная среда», в принципе, создает инструменты борьбы с бедностью в системе образования, но, к сожалению, и возможности, и риски ее развития еще плохо осознаются педагогической общественностью, при этом возможности нередко преувеличиваются, а риски занижаются.

Федеральный проект «Учитель будущего»

Этот проект, на наш взгляд, является одним из основных, если речь идет о борьбе с бедностью в средне- и долгосрочной перспективе. Именно профессионализм учительского корпуса (или более широко – профессионализм педагогических работников дошкольных образовательных и общеобразовательных организаций) определяет успешность или неуспешность детей в освоении образовательной программы. Правда, не менее важным является выстраивание организационно-экономических механизмов функционирования и развития образовательных организаций, в частности, выстраивание рейтинговой системы школ, когда учителям становится более «выгодным» стремиться к тому, чтобы отсеять слабых учащихся, а не довести их хотя бы до среднего уровня и создать у них уверенность в том, что совместные усилия учителя и ученика приведут к положительным результатам (см. цитированную выше работу А. Шляйхера [5]). При этом рейтинговая система оказывается сильнее финансового механизма, при котором бюджетное финансирование школ осуществляется по нормативному подушевому принципу, что должно, как считалось, стимулировать общеобразовательные организации сохранять контингент. Тем не менее в последние годы, как уже было отмечено, из школы уходит от 40 до 55% выпускников 9 класса и учителя воспринимают этот процесс, как нормальный, и даже мотивируют учащихся к переходу в систему СПО. Кроме того, можно сделать вывод, что и стимулирующая система оплаты учительского труда не обеспечивает нацеленность деятельности учителя на «успех каждого ребенка», на освоение всеми учащимися учебной программы. Более того, учителя стремятся переложить значительную долю нагрузки по обучению детей на плечи родителей. Понятно, что родители из малообеспеченных семей во многих случаях не могут помочь своим детям с освоением учебной программы, они также не в состоянии в силу финансовых причин нанять ребенку репетитора, а школа редко организует дополнительные занятия с отстающими учащимися. Вряд ли в этих условиях даже непрерывное повышение квалификации учителей приведет к тому, что учитель начнет специально работать со слабым контингентом, если школа и сам учитель не будут за это поощряться. Более того, рейтинговая система может привести к тому, что повысивший квалификацию учитель будет еще лучше готовить учащихся к предметным олимпиадам или различным конкурсам, но не заниматься с детьми, которые не успевают [14]⁸.

⁸ Русский язык очень точен: ребенок не успевает – это значит, что ему не хватает времени и сил, чтобы усвоить (освоить, сделать своим) учебный материал. Ему надо дать больше времени и помочь (так как сил мало) с освоением учебной программы. Для справки: успеть – 1) вовремя сделать что-либо, попасть куда-либо, 2) добиться успеха (устар.).

Соответственно, в данной федеральном проекте надо четко поставить задачу, согласно которой «учитель будущего» – это учитель, у которого нет неуспешных учащихся, все его ученики успевают освоить учебный материал, они научены учиться. Но при постановке указанной задачи придется менять (переосмысливать под новые задачи) большую часть организационно-экономического механизма (если не весь), который действует в системе общего (и профессионального) образования и отказываться от многих ранее внедренных, в том числе в рамках прошлого Приоритетного национального проекта «Образование», иных приоритетных проектов развития системы образования, организационных и финансовых инструментов.

Федеральный проект «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)»

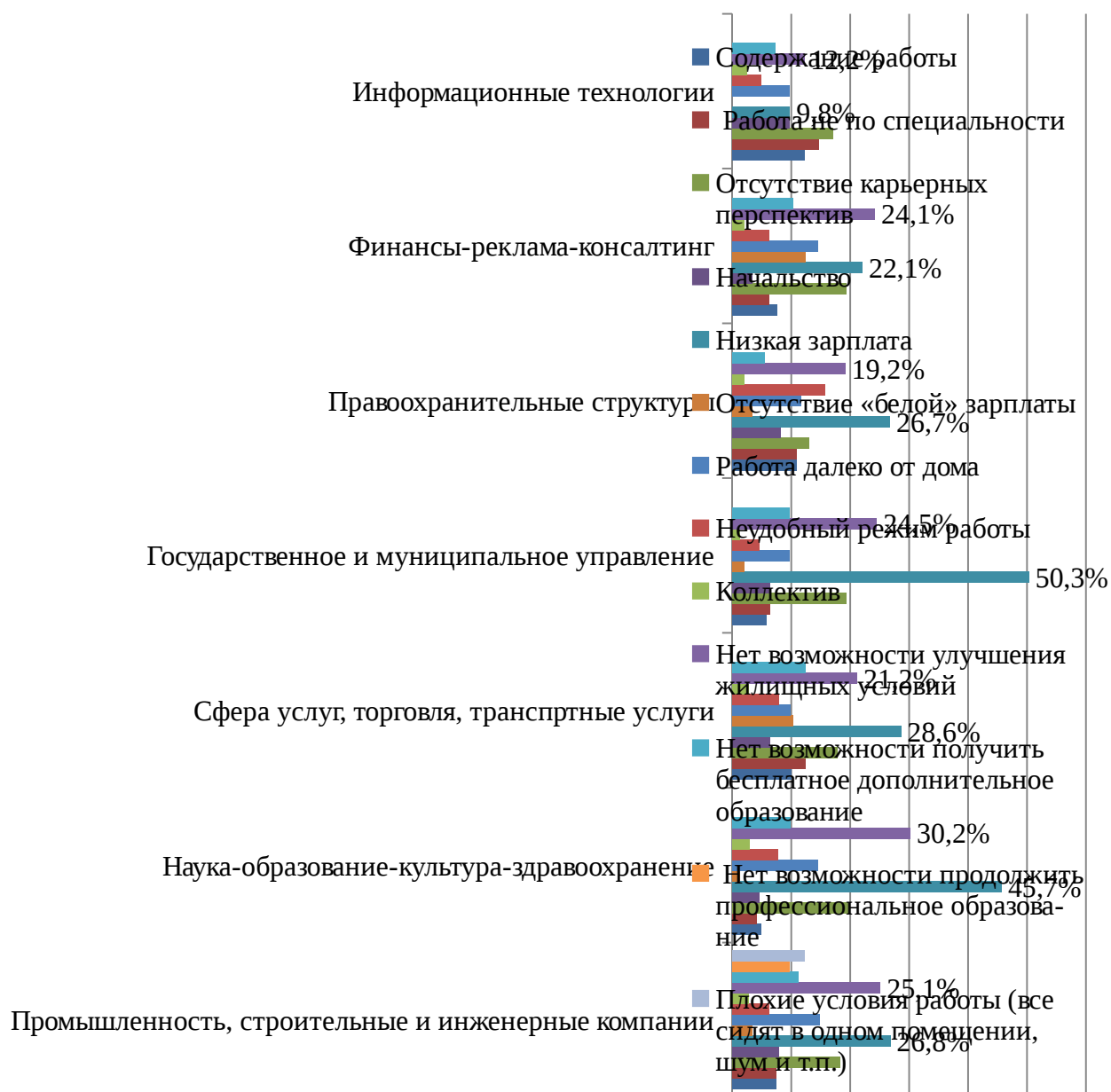
В федеральном проекте «Молодые профессионалы» выделяются два подпроекта «Модернизация среднего профессионального образования» и «Глобальная конкурентоспособность высшего образования».

Поскольку подростки из бедных семей в последние годы преимущественно поступают в организации СПО, то необходимо определить, насколько подпроект «Модернизация среднего профессионального образования» может использоваться как один из инструментов борьбы с бедностью. Кроме того, следует также оценить, преодолевается ли на этом уровне образования неуспешность обучающихся, поскольку, как мы видели выше, из школ в первую очередь уходят выпускники 9 класса, сдавшие ОГЭ на низкие баллы, подростки, про которых учителя уверены, что они не могут освоить учебную программу старших классов общеобразовательной школы.

В принципе, поскольку в системе СПО обучение практикоориентировано, то молодые люди, которые получают профессию или специальность могут в этих учебных заведениях чувствовать себя значительно увереннее по сравнению со школой. Поэтому тот акцент, который сейчас делается на освоение студентами организаций СПО общеобразовательных предметов и утверждение, что это позволит им преодолеть свою неуспешность и занять на рынке труда более престижные рабочие места, не имеет веских оснований. Во-первых, в организации СПО приходят в массе своей подростки, которые плохо освоили учебную программу основной школы. Соответственно, формируется однородная среда слабых, если говорить об общеобразовательных предметах, учащихся. В таких учебных группах, как правило, не удастся существенно повысить успеваемость (см. [5]). Именно поэтому родители подростков, перешедших на учебу в организации среднего профессионального образования, резко против введения ЕГЭ для выпускников учебных заведений СПО, поскольку это лишает их и так весьма призрачной надежды на получение высшего образования. А для низкодоходных семей доступность высшего образования для ребенка является крайне важной социальной (символической) ценностью. Кроме того, получение высшего образования рассматривается этими семьями, как способ вертикальной мобильности и, следовательно, преодоления бедности. Только если после окончания организации СПО ребенок начинает хорошо зарабатывать, то есть преодолевает бедность, родители могут пересмотреть свои установки на получение им высшего образования. Кроме того, попытка обеспечить полноценное среднее образование в организациях СПО может привести к возрождению в обучающихся комплекса «неуспешности» и уходу из учебного заведения. Поэтому, как правило, общеобразовательная подготовка в указанных организациях является профанацией и знаний по

общеобразовательным предметам не дает, за исключением тех, которые осознаются учащимися, как полезные для их практической деятельности.

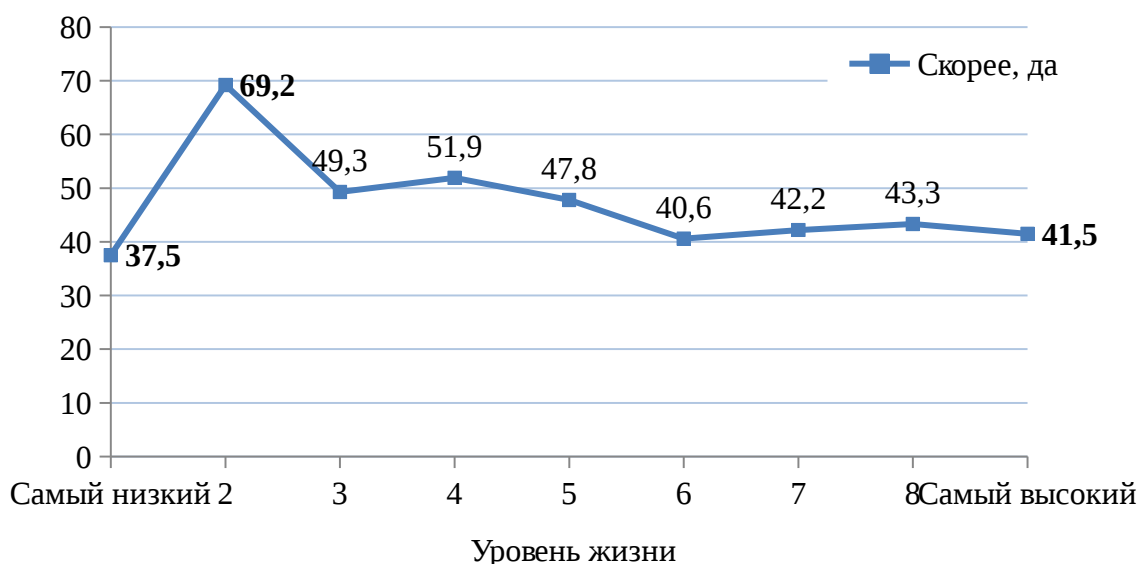
Подпроект «Модернизация среднего профессионального образования» основное внимание уделяет развитию материально-технической базы учебных заведений СПО. Это очень важный момент, поскольку в регионах, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, материально-техническая база данных организаций во многом устарела, что не позволяет готовить студентов для работы на современном оборудовании. В этом смысле реализация рассматриваемого подпроекта может для целого ряда категорий обучающихся стать основой для преодоления бедности, поскольку работа на современных предприятиях позволит им получать достаточно высокую заработную плату. Однако для успешности этой модели в регионах должны создаваться современные производства, востребующие хорошо подготовленных работников – рабочие кадры и специалистов среднего звена. Вместе с тем Мониторинг трудоустройства молодежи, который с 2015 г. проводит Центр экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС, показывает, что даже при современном, не очень высоком уровне профессиональной подготовки многие молодые люди не хотят работать на тех рабочих местах, которые им предлагаются, из-за низкой заработной платы и плохих условий труда (рисунок Рисунок 12).

Примечание – Источник: Мониторинг трудоустройства молодежи ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, май 2019 г.

Рисунок 12 – Что именно Вас не устраивает на Вашей текущей работе? Ответы молодых работников, %

При этом проблема низкого качества подготовки кадров является актуальной для самих молодых людей. Так, больше всего молодежи хочет что-то поменять в своей профессии или специальности среди тех, кто оценивает свой уровень жизни практически как самый низкий – среди них 69,2% молодежи хотели бы поменять специальность или профессию в ближайшие несколько лет (рисунок Рисунок 13).

Примечание – Источник: Мониторинг трудоустройства молодежи ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2018 г.

Рисунок 13 – Хотите ли Вы поменять специальность/ профессию (получить еще одну или несколько специальностей/ профессий) в ближайшие несколько лет? В разрезе уровня жизни семьи, 2017 г., %

Следует также отметить, что среди молодых людей с самым низким доходом (уровнем жизни) практически чуть больше трети (37,5%) хотели бы поменять полученную профессию/специальность. Представляется, что это обусловлено тем, что у данной молодежи нет ресурсов (или они считают, что у них нет ресурсов) на переобучение. Многие из этих молодых работников работают неформально или на низких позициях и думают, что работодатель не пошлет их даже на повышение квалификации, не говоря уже о переподготовке. У них самих и их семей отсутствуют средства, которые позволили бы им переучиться за плату. Что касается второй группы, то у нее немного больше ресурсов, поэтому более выражено желание сменить профессию/специальность. Но надо понимать, что далеко не все молодые люди реально будут переучиваться. Скорее всего, высказанное желание останется только пожеланием, но, вместе с тем, велика вероятность, что работники из этой группы будут в подавляющем большинстве работать не по полученной профессии или специальности.

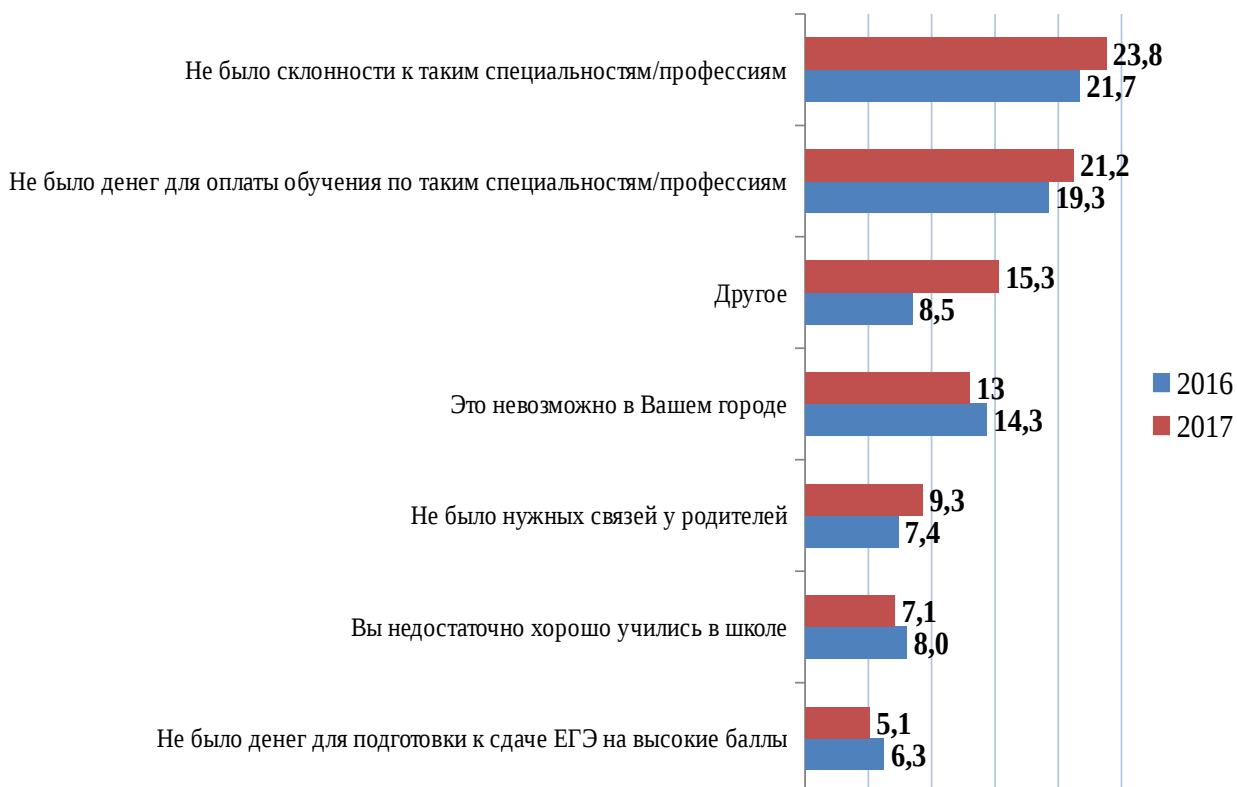
Кроме того, молодые работники, которые хотят поменять профессию или специальность в низкодоходных и высокодоходных группах, ориентированы на разные образовательные стратегии. В высокодоходных группах выбираются, как правило, достаточно дорогие программы переподготовки в престижных учебных заведениях (университетах, бизнес-школах и т. п.) или, напротив, предпочтение отдается самообразованию и краткосрочным, но продвинутым курсам в Интернете, а также различным мастер-классам [15]. В низкодоходных группах это:

- курсы при службах занятости,
- поступление выпускников программ подготовки рабочих кадров на программы по другим профессиям;
- поступление выпускников программ подготовки специалистов среднего звена на программы подготовки рабочих кадров;

– поступление выпускников программ подготовки специалистов среднего звена на программы по другим специальностям (примерно 10% окончивших программы подготовки специалистов среднего звена, поступают на другие программы в организации СПО, даже не выходя на рынок труда, при этом предпочтение отдается обучению на бюджетных местах [15]). Все более частым явлением становится смена профессии/специальности после службы в армии, особенно, если при этом меняется место жительства [15].

Кроме того, молодые работники из низкодоходных групп населения стремятся посещать бесплатные курсы повышения квалификации компаний (фирм), которые выпускают на рынок новую продукцию и продвигают ее посредством реализации программ ДПО. К сожалению, эту практику в большинстве своем практиковали крупные иностранные компании, часть из которых ушла (уходит) из России. Российские компании значительно реже прибегают к указанному способу рекламирования своих товаров или услуг.

В ходе мониторинга трудоустройства молодежи был задан вопрос: «Если Вы не считаете свою специальность перспективной, то, что Вам помешало получить более перспективную?» и молодые люди могли выбрать не более двух вариантов ответа на него. Самым популярным ответом среди молодых людей было отсутствие склонности к популярным профессиям или специальностям (21,7% юношей и девушек в 2016 г. выбрали этот ответ и 23,8% в 2017 г.) (рисунок Рисунок 14). Далее следует ответ об отсутствии денег для оплаты обучения по престижным специальностям или профессиям (19,3% и 21,2% в 2016 и 2017 гг. соответственно). Также невозможность получить престижное образование в своем городе останавливала около 14% молодых людей, то есть еще какая-то часть молодежи не поехала получать престижное образование из-за ограниченности у семей финансовых ресурсов (малообеспеченности семей).

Примечание – Источник: Мониторинг трудоустройства молодежи ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2018 г.

Рисунок 14 – Если Вы не считаете свою специальность перспективной, то что Вам помешало получить более перспективную? %

Таким образом, образовательная мобильность подростков и молодежи из небогатых слоев населения снижена и это мешает им получать более качественное образование по сравнению с молодыми людьми из состоятельных семей. Соответственно, в рамках Федерального проекта «Молодые профессионалы», если его в большей степени ориентировать на борьбу с бедностью, надо, в том числе решать проблему образовательной мобильности подростков и молодежи из низкодоходных семей (стипендии, гранты), поддерживать их доступ, например путем выделения квот, к качественному среднему профессиональному образованию. Кроме того, необходимо обеспечивать большую доступность для молодежи за счет бюджетных средств к программам дополнительного профессионального образования в первые 3–5 лет их профессиональной деятельности. Сложность здесь состоит в том, что значительная доля указанных молодых людей заняты в теневом секторе (неформальная занятость). Поэтому в дальнейшем необходимо отслеживать молодых людей, которые формально нигде не работают и не учатся, и стараться обеспечивать для них возможность переобучения или полностью за государственный счет или путем распределения затрат на обучение между государством (регионом) и самим обучающимся, а также будущим работодателем.

Что касается второго подпроекта «Глобальная конкурентоспособность высшего образования», то он в основном направлен на развитие Проекта 5/100, и в этом смысле его меньше можно переориентировать на борьбу с бедностью. Вместе с тем общее повышение качества высшего образования, с одной стороны, и трансляция образовательных практик ведущих вузов в остальные сегменты системы ВО, с другой, могут положительно отразиться на подготовке кадров, включая молодежь из низкодоходных слоев населения. Особенно полезно будет в контексте борьбы с бедностью повысить качество очно-заочного и заочного высшего образования, поскольку именно на эти формы обучения, как правило, поступают выпускники организаций СПО. В связи с тем, что все большая доля окончивших 9 класс подростков переходит на обучение в систему среднего профессионального образования, обеспечить для них непрерывность и качество профессионального образования можно путем преобразования заочной формы высшего образования в дистантную и расширить объем качественных образовательных курсов (ресурсов) на русскоязычных образовательных платформах. Кроме того, целесообразно создать систему тьюторской поддержки со стороны ведущих вузов для выпускников (а, возможно, и студентов) организаций СПО при использовании МООС. Еще одной мерой, снижающей образовательную дифференциацию, которая может быть реализована в данном подпроекте, если его в несколько большей мере ориентировать и на борьбу с бедностью, было бы оснащение лекций ведущих зарубежных профессоров титрами или закадровым переводом, чтобы они стали доступны для тех категорий студентов (очных, очно-заочных, дистанционных форм обучения), которые плохо владеют иностранными языками. Это, как правило, студенты из малообеспеченных семей, поэтому расширение для них доступности качественных образовательных ресурсов крайне важно. Именно сюда могут быть привлечены ресурсы бизнеса и развито частно-государственное партнерство,

поскольку работодатели заинтересованы в повышении качества профессионального образования молодых специалистов, что, вообще говоря, позволит им экономить на дообучении молодых работников.

Федеральный проект «Новые возможности для каждого»

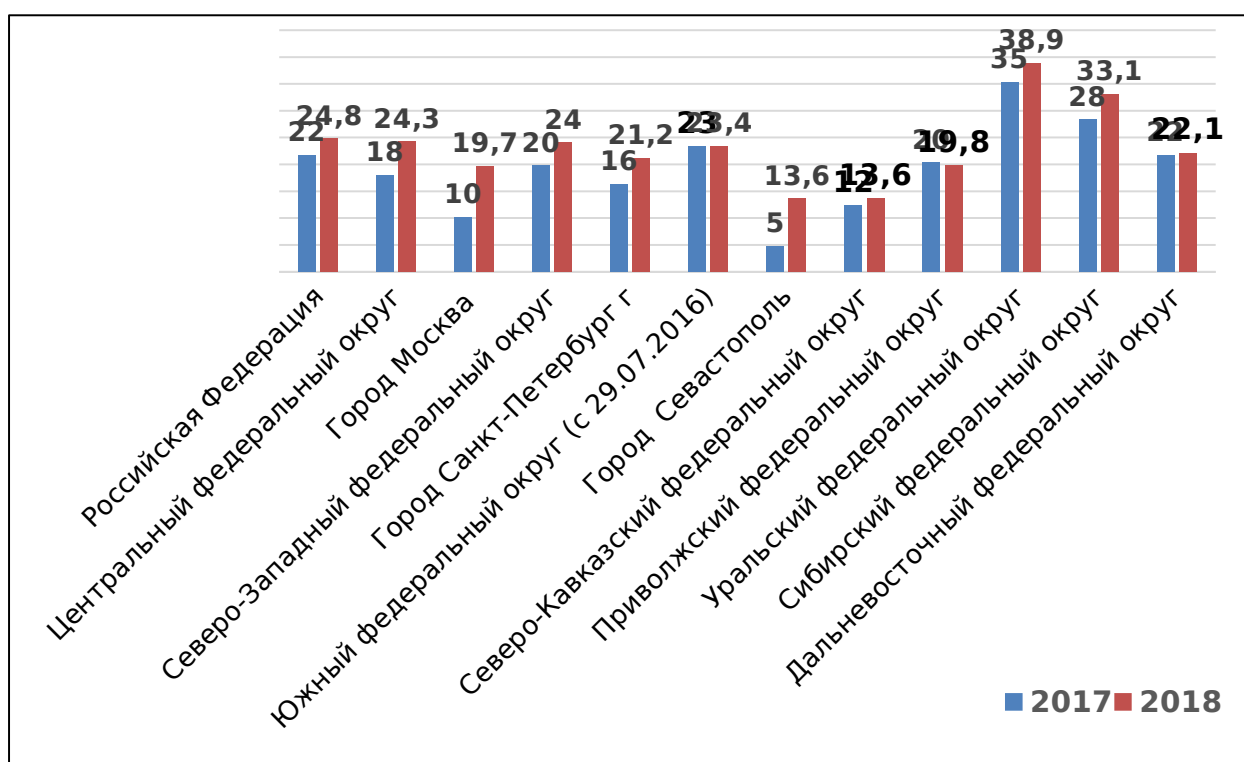
Этот Федеральный проект также весьма успешно может использоваться для борьбы с бедностью за счет большей вовлеченности низкодоходных слоев населения в программы ДПО. Выше уже были затронуты вопросы повышения квалификации и пере(до)обучения молодежи, которые в силу отсутствия у них финансовых возможностей не получили изначально качественного профессионального образования. Кроме того, в современном мире постоянное повышение квалификации, переподготовка, различные стажировки становятся важнейшими факторами карьерного роста, который напрямую связан с ростом доходов. Система непрерывного образования также обеспечивает работникам возможность оставаться на рынке труда, поскольку быстрая смена технологий заставляет работника несколько раз за время профессиональной деятельности менять сферу приложения его труда. Из частичного работника, каким большинство занятых в экономике и социальной сфере, были XIX и XX века, он превращается в универсального работника, что накладывает серьезные требования на систему, которая до сих пор называется «дополнительным профессиональным образованием». В новых условиях работник может новой высшее образование получать несколько раз за его жизнь, при этом, понятно, что это будет иное, чем оно мыслится сейчас, образование. Заметим, кстати, что формирование этого нового высшего образования приведет к необходимости смены многих организационно-экономических механизмов, которые действуют в нем сейчас: например, возможно придется пересматривать запрет на получение второго высшего образования на бюджетной основе. Фактически это уже происходит под видом перехода к уровневой системе высшего образования, когда в бакалавриате можно получать высшее образование по одному направлению подготовки, а в магистратуре – по-другому. Превращение аспирантуры в третий уровень высшего образования еще больше усиливает данную тенденцию. Пока еще данный процесс немного прикрывается англосаксонской традицией, в рамках которой бакалавриат выступает во многом как общее профессиональное образование, а магистратура, как специальное высшее образование. Однако все больше проявляет себя тенденция, что бакалавриат становится первым профессиональным образованием, после которого предполагается некоторый перерыв (за исключением чисто академических карьер) на получение профессионального опыта, а потом магистратура (или программы MBA, MPA и т. п.) дает второе профессиональное образования, а аспирантура в этой логике может дать третье.

Для нашей темы важно то, что молодежь из малообеспеченных слоев населения, как правило, достигает только уровня бакалавриата, т. е. получает только одно высшее образование, в то время как молодые люди из более состоятельных слоев получают два и даже три профессиональных образования. Таким образом, бедность выступает определенной доминантой (фактором), ограничивающим молодых людей уже не в получении высшего образования, а в получение нескольких высших образований⁹.

⁹ В России в настоящее время эти процессы еще мало проявили себя, поскольку массовый переход на уровневую систему высшего образования произошел совсем недавно – 10 лет назад, в 2009 г. Практически все российские вузы имеют магистратуры и за пределами Москвы и Санкт-Петербурга большинство магистрантов

Между тем рассматриваемый Федеральный проект ориентирован прежде всего на повышение квалификации и программы профессионального обучения и фактически не учитывает новые тренды в непрерывном профессиональном образовании. Проект преимущественно ориентирован на высшие учебные заведения, которые на грантовой основе должны разработать новые программы дополнительного образования и профессионального обучения при независимой экспертизе этих программ работодателей. При этом в первую очередь в проекте «Новые возможности для каждого» предполагается создать корпус преподавателей программ непрерывного образования. Кроме того, определены численности работников, повышающих свою квалификации в рамках этого проекта. Максимальное число (не менее 3 млн чел. – можно и больше¹⁰) должно проучиться в 2024 г.

По данным ЕМИСС [16], в 2017–2018 гг. программы ДПО и/или профессиональной подготовки в России прошло менее 25% от общей численности занятых в экономике в возрасте 25–65 лет (рисунок Рисунок 15).

Примечание – Источник: ЕМИСС.

Рисунок 15 – Доля занятого населения в возрасте от 25 до 65 лет, прошедшего повышение квалификации и (или) профессиональную подготовку, от общей численности занятого в области экономики населения этой возрастной группы в Российской Федерации, федеральных округах, городах Москва, Санкт-Петербург и Севастополе (% , значение показателя за год)

учатся на бюджетной основе, часто продолжая обучение по тому направлению подготовки, по которому они учились в бакалавриате, т. е. получают более специализированное высшее образование. Это происходит потому, что вузы в латентном виде сохраняют подготовку специалистов в новом, если можно так сказать, формате.

¹⁰ Вместе с тем система реализации проекта устроена таким образом, что, скорее всего, повышена квалификация будет у 3 млн человек или незначительно больше.

В целом в Российской Федерации в 2018 г. программы ДПО и профессиональной подготовки (обучения) прошли 24,8% работников в возрасте 25–65 лет (в 2017 г. – 21,7%). Из федеральных округов выделяется УФО, где рассматриваемый показатель составил в 2018 г. почти 40% – 38,9% (в 2017 г. – 35,3%), наименьшее значение показателя ожидаемо было в СКФО – 13,6 и 12,3% соответственно в 2018 и 2017 гг. В Москве охват возрастной группы занятых 25–65 лет был сравнительно низким – 19,7%, но с 2017 г. он вырос практически вдвое – 10,2%. Еще более выраженным рост указанного охвата в 2017–2018 гг. наблюдался в Севастополе с 4,8% до 13,6%. В Санкт-Петербурге этот показатель вырос не столь значительно с 16,3 до 21,2%, или на 4,9 п. п. Единственным федеральным округом, где доля населения, повысившая квалификацию или прошедшая профессиональную подготовку в возрастной группе 25–65 лет снизилась, был Приволжский федеральный округ: в 2017 г. – 20,3%, 2018 г. – 19,8% (на 0,5 п. п.).

Если рассматривать субъекты Российской Федерации (без городов федерального значения), то в ЦФО самый низкий показатель охвата занятых в возрасте 25–65 лет программами повышения квалификации и профессиональной подготовки в Брянской области – 16,7% в 2017 г. и 13,1% в 2018 г. Снижение охвата отмечено также в Орловской (31,1% и 26,5%), Смоленской (19,3% и 16,1%), Тверской (18,7% и 13,6%), Тульской (28,7% и 26,8%) и Ярославской (32,6% и 25%) областях. В Тамбовской области этот показатель практически не изменился: 19,3% в 2017 г. и 19,6% в 2018 г. В Воронежской и Ивановской областях рассматриваемый показатель за 1 год практически удвоился: в Воронежской области он вырос с 16,3% в 2017 г. до 35,5% в 2018 г., в Ивановской области – с 17,7% в 2017 г. до 35,4% в 2018 г., что представляется крайне маловероятным. В остальных регионах ЦФО также показан заметный рост доли занятого населения в возрасте 25–65 лет, прошедшего программы ПК и ПП.

В СЗФО снижение доли занятого населения в возрасте 23–65 лет, прошедшего программы ПК и ПП, наблюдалось в 2018 г. в Архангельской (с 28,1% в 2017 г. до 24,3% в 2018 г.) и Вологодской (35,2% и 33,4%) областях. В Калининградской области эта доля резко выросла: с 16,6% в 2017 г. до 31,5% в 2018 г. В остальных регионах данного роста наблюдался небольшой рост.

В ЮФО в трех регионах охват населения программами ПК и ПП вырос, в четырех, включая Волгоградскую и Ростовскую области, снизился.

Аналогичная картина наблюдалась и в СКФО: в четырех регионах рассматриваемый показатель рос, в трех, включая Ставропольский край, он падал.

В ПФО в 2018 г. падение показателя охвата населения 25–65 лет повышением квалификации и профессиональной подготовки было зафиксировано в 6-ти регионах, причем в Удмуртской Республике оно было весьма значительным: с 21% в 2017 г. до 9,9% в 2018 г. В остальных регионах наблюдался небольшой рост – от 0,1 п. п. (минимум) до 4,1 п. п. максимум.

В УФО падение доли занятого населения в возрасте 25–65 лет, прошедшего программы ПК и ПП, наблюдалось только в Курганской области и оно было достаточно заметным: с 34,3% в 2017 г. до 15,3% в 2018 г., или на 19 п. п. (больше, чем в 2 раза). В остальных регионах данный показатель повысился. При этом аномально высоким его рост был только в ХМАО и ЯНАО на 12,3 и 13,0 п. п.

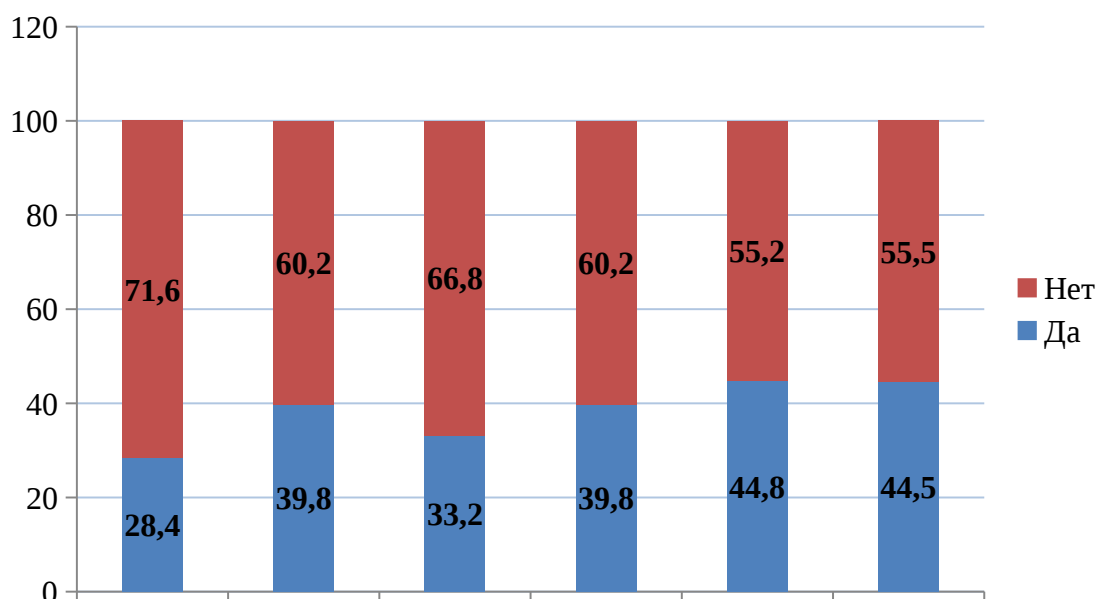
В СФО снижение показателя наблюдалось в четырех регионах, в Томской области оно было выраженным – на 7,2 п. п. Рост показателя был наибольшим в Новосибирской области – на 17,4 п. п. (с 13,4% в 2017 г. до 30,8% в 2018 г., т. е. в 2 раза). В Республике Алтай показатель вырос на 10,6 п. п., в Кемеровской области – на 7,9 п. п.

В ДВФО снижение, причем небольшое – на 0,5 п. п. – наблюдалось только в Хабаровском крае, во всех остальных регионах показатель вырос, но этот рост не был «ярко выраженным»: от 0,1 п. п. (Приморский край) до 2,3 п. п. (Камчатский край).

В целом, если убрать аномально высокий рост показателя или его аномальное снижение, то видно, что доля занятого населения 25–65 лет, проходящего программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки или незначительно растет, или столь же незначительно падает. Это показывает, что внутри самой экономики особой потребности в повышении квалификации работников не наблюдается: во многом ее прохождение обусловлено нормативно-правовыми требованиями (педагогические работники, медицинский персонал, летный состав и т. п.). В информационно-коммуникационной и финансовой сферах повышение квалификации и переподготовка связаны с быстрым изменением технологий. Вместе с тем во многих отраслях ПК и ПП носят имитационный характер.

Если говорить о молодежи, то Мониторинг ее трудоустройства дает некоторые ориентиры в данной области.

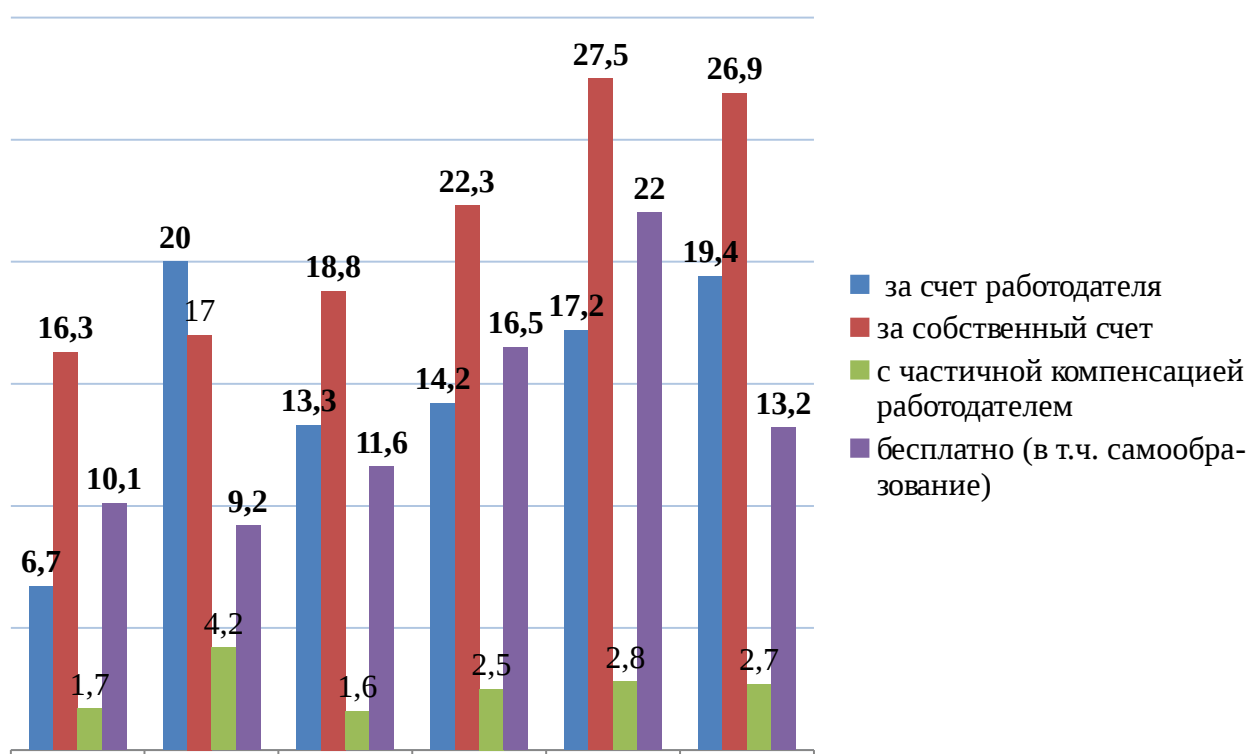
Так, более трети молодых людей, участвовавших в мониторинге, получали дополнительное образование (с выдачей диплома, сертификата или другого документа). В Свердловской области доля молодежи, получавшей дополнительное образование, выросла с 28,4% в 2016 г. до 39,8% в 2017 г. В Новосибирской области также наблюдается рост интереса со стороны молодежи к дополнительному образованию. В 2017 г. 39,8% юношей и девушек получили дополнительное образование, в то время как в 2016 г. их доля составляла 33,2%. Стабильно высокий интерес к дополнительному образованию среди молодежи Ивановской области – около 44% молодых людей получали там дополнительное образование (рисунок Рисунок 16).

Примечание – Источник: Мониторинг трудоустройства молодежи ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2016–2017 гг.

Рисунок 16 – Получали ли Вы дополнительное образование, с выдачей диплом (сертификата, другого документа)? Региональный разрез, %

Больше всего молодежи получает дополнительное образование за свой счет (рисунок Рисунок 17). За исключением Свердловской области, где в 2017 г. 17% молодежи прошли дополнительное обучение за свой счет и 20% – за счет работодателя. Самая большая группа молодежи, получающей дополнительное образование за свой счет, в Ивановской области: 27,5% в 2016 г. и 26,9% юношей и девушек в 2017 г. Меньше всего молодых людей, самостоятельно оплачивающих дополнительное обучение, в Свердловской области – 16,3 и 17% в 2016 и 2017 гг. соответственно. Несмотря на то, что чуть меньше трети молодежи самостоятельно платит за свое дополнительное обучение, во всех регионах России – участниках мониторинга, за последние годы растет доля молодежи, получившей дополнительное образование за счет работодателя. Особенно резкий скачок можно наблюдать в Свердловской области, где доля молодых людей, получивших дополнительное образование за счет работодателей, выросла с 6,7% в 2016 г. до 20% в 2017 г. В Новосибирской области доля молодежи, получившей дополнительное образование за счет работодателей, выросла с 13,3 до 14,2%, а в Ивановской области – с 17,2 до 19,4%. От 10 до 20% молодежи, в зависимости от региона России, получают дополнительное образование бесплатно.

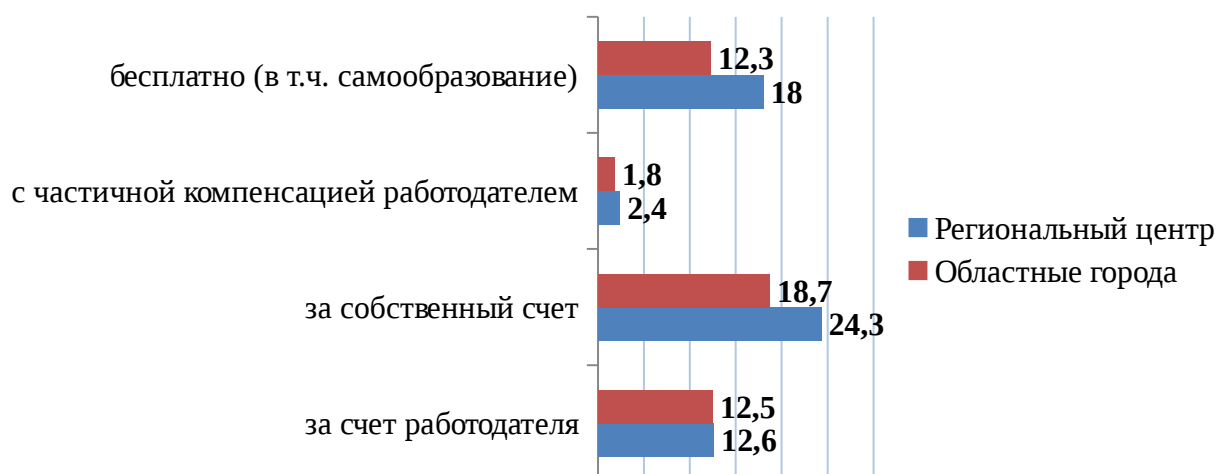

Примечание – Источник: Мониторинг трудоустройства молодежи ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2016–2017 гг.

Рисунок 17 – Оплата дополнительного образования, %

Форма совместного участия работников и работодателей в оплате дополнительного обучения пока мало используется: от 2 до 4% молодых людей, участвовавших в мониторинге, отмечали данную форму оплаты дополнительного образования.

Получают дополнительное образование за счет работодателя примерно одинаковые группы молодежи и в региональных столицах, и в других городах. А вот за свой счет и бесплатно получает дополнительное образование гораздо больше молодых людей из региональных столиц в сравнении с жителями других городов. По итогам мониторинга 2016 г. 24,3% молодежи из региональных столиц и 18,7% юношей и девушек из других городов получали дополнительное образование за свой счет. Бесплатно обучались 18% молодежи из региональных столиц и 12,3% молодых людей из других городов. Можно предположить, что в региональных столицах для самостоятельного получения дополнительного образования у молодежи есть больше возможностей, в том числе и финансовых (рисунок Рисунок 18).

Примечание – Источник: Мониторинг трудоустройства молодежи ЦЭНО ИПЭИ РАНХиГС, 2016–2017 гг.

Рисунок 18 – Оплата дополнительного образования, по типам поселений, 2016 г., %

Таким образом, если говорить о снижении бедности и возможностях использования Федерального проекта «Новые возможности для каждого» для решения, в том числе этой задачи, а не только для более широкого включения населения в систему ДПО, то необходимо более адресное выделение контингентов и специальные меры по поддержке работников из малообеспеченных слоев населения при прохождении программ повышения квалификации и профессиональной подготовки или более широко программ непрерывного профессионального образования.

Федеральные проекты «Социальная активность», «Экспорт образования» и «Социальные лифты»

Мы рассматриваем три федеральных проекта вместе, поскольку в современном виде все они в меньшей степени по сравнению с перечисленными выше могут быть использованы как механизм борьбы с бедностью. Вместе с тем внешне такие проекты, как «Социальная активность» и «Социальные лифты», должны достаточно сильно влиять на

преодоление малообеспеченности определенных слоев населения, прежде всего молодежи.

Вовлечение молодых людей в волонтерство, развитие наставничества, (проект «Социальная активность»), может стать трамплином для вертикальной мобильности некоторой части молодых людей. Однако мировой опыт показывает, что молодежь из бедных семей, как правило, редко включается в социально одобряемую деятельность, включая то же волонтерство. Это прерогатива молодых людей из более состоятельных слоев населения, для которых социальная активность является способом, в том числе, помочь тем, кто нуждается в силу разных причин – инвалидность, неполные семьи, правонарушения, потребление наркотиков и т. п. [17]. Подростки и молодежь из бедных слоев, напротив, часто попадает в криминальные сообщества, стремясь таким путем выбраться из бедности. Кроме того, в криминальных сообществах такого рода (бандах) молодежь обычно получает чувство «социальной» защищенности, сплоченности и востребованности, которых она лишена в семье, в образовательных организациях и обществе в целом. Соответственно, волонтерство может выступать в качестве одной из превентивных мер для минимизации попадания подростков и молодежи из социально уязвимых групп населения в криминальные структуры, но в рамках федерального проекта «Социальная активность» указанная деятельность, к сожалению, не предусмотрена.

Федеральный проект «Экспорт образования», который, на наш взгляд, очень важен для развития высшего образования в России, поскольку предполагает перестройку работы практически всех вузов для выполнения крайне амбициозной задачи, поставленной в Указе Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 г. по увеличению не менее чем в два раза численности иностранных студентов, обучающихся по очной форме в российских высших учебных заведениях, напрямую с проблемой борьбы с бедностью не связан. Однако общее повышение качества высшего образования, без которого задача по привлечению в страну иностранных студентов не может быть выполнена, позволит и российским студентам, в том числе из малообеспеченных семей, получать более современное и востребованное рынком труда профессиональное образование. Вместе с тем, для решения проблемы бедности, как уже было отмечено, необходимо обеспечить **большую** доступность качественного высшего образования для указанного слоя молодых людей. Но в самом Федеральном проекте такая задача, не ставится, не решается и не может решаться.

Федеральный проект «Социальные лифты» предполагает расширение участия в различных конкурсах профессионального мастерства большого числа граждан России. Это может приводить к тому, что через конкурсные процедуры молодые люди из социально уязвимых групп получают шанс проявить себя и победить в проводимых конкурсах. Но, в целом, данный проект не ориентирован на обеспечение вертикальной мобильности молодежи из бедных семей. До некоторой степени его можно использовать в указанных целях, если целенаправленно поддерживать участие соответствующих групп в проводимых конкурсах, заранее отбирая их и проводя специальную подготовку с тем, чтобы увеличить шансы на выигрыш или на занятие достаточно высоких мест. При этом, представляется, что более эффективными являются другие механизмы, которые описаны выше и которые должны позволить молодежи из малообеспеченных семей добиваться успеха посредством большей доступности для нее качественного образования, как общего, так и профессионального.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что некоторая переориентация или более точная расстановка акцентов могли бы обеспечить использование большинства Федеральных проектов Национального проекта «Образование» для борьбы с бедностью, особенно это касается молодого поколения.

Федеральные проекты, в принципе, могут обеспечить снижение бедности за счет целенаправленной политики обеспечения доступности качественного общего и профессионального образования для детей из малообеспеченных семей, при этом необходимо выделение тех групп населения, которым должен быть обеспечен указанный доступ и целенаправленная работа с данным контингентом;

Основная задача, которая должна решаться в процессе работы с детьми из социально уязвимых групп населения, состоит в создании у них уверенности в том, что их усилия в сфере образования принесут ощутимые результаты: и сами учащиеся, и учителя, и школы, которые помогли им добиться лучших результатов, будут вознаграждены. Для этого необходимо пересмотреть всю выстроенную в последние годы систему стимулов, которая, напротив, побуждает школы и учителей «избавляться» от слабых учащихся, которые в большинстве своем происходят из семей с низким уровнем социального и культурного капиталов. У этих детей нет практически никаких возможностей улучшить свое социальное положение, кроме как за счет успехов в учебе (или спортивных успехов, но спортивные школы – это часть системы дополнительного образования детей). Поэтому федеральные проекты должны обеспечить им реализацию данного шанса.

Большую роль в повышении роли образования в преодолении бедности должно сыграть дополнительное образование детей, направленное, в частности на поддержку их в изучении школьных предметов (более состоятельные родители имеют возможность ликвидировать пробелы в знаниях и навыках (компетенциях) их детей, прибегая к услугам репетиторов). В случае детей из малообеспеченных семей эту функцию должна взять на себя школа, обеспечивая этим детям бесплатные дополнительные занятия. Усилия учителей и школ в рамках этой деятельности должны рассматриваться как часть государственного задания и финансироваться из бюджета. Соответственно, должен быть разработан необходимых финансовый механизм, который следует апробировать в процессе реализации Федеральных проектов «Современная школа», «Успех каждого ребенка», «Цифровая образовательная среда». Одновременно должна быть реформирована деятельность в рамках Федерального проекта «Поддержка семей, имеющих детей», и психолого-педагогическая помощь должна быть ориентирована в том числе на предотвращение неуспешности детей из социально уязвимых групп населения при освоении школьной программы. Таким образом, создаваемая консультационная сеть должна оказывать помощь не только родителям, но и учителям (школам) с тем, чтобы обеспечить выравнивание не только стартовых условий получения образования детьми, но и закрепление усилий каждого ребенка и учителя в преодолении неуспешности.

От реализации Федерального проекта «Учитель будущего» зависит и преодоление бедности, поскольку позиция учителя, его деятельность непосредственно ориентирована на детей. Если учитель нацелен на то, чтобы ребенок был успешен в обучении, в получении знаний, в преодолении имеющихся у него дефицитов в культурной и образовательной сферах,

учащийся может получить качественное общее образование, что обеспечит ему доступ к качественному профессиональному образованию и успешную трудовую карьеру. Поэтому повышение квалификации учителей необходимо ориентировать на то, чтобы они могли выявлять проблемы учащихся в учебе и обеспечивать их преодоление. Другими словами, учитель должен работать на успех каждого ребенка, а не на свой успех или успех школы, что часто приводит к тому, что неуспешные учащиеся вынуждены покидать школу. В этих условиях организации профессионального образования, прежде всего организации СПО, вынуждены заниматься, по сути дела, реабилитацией подростков, которых школа привела к неуспешности. В силу сказанного, Федеральный проект «Молодые профессионалы» (подпроект «Модернизация среднего профессионального образования») должен играть не только инструмента более эффективной профессионализации, но и активную роль в социализации подростков и молодежи, как успешных молодых людей. Вместе с тем эта задача не поставлена в проекте и поэтому не будет решаться без более четкой его направленности на указанную цель. При адекватном решении именно этой задачи можно будет говорить о том, что данный проект работает на преодоление бедности подростков и молодежи из малообеспеченных семей.

Цифровизация образования и развитие технологии больших данных для отслеживания результатов обучения различных категорий учащихся, позволяет осуществлять персонифицированное планирование их образовательных траекторий, в том числе с учетом большей доступности для них качественных ресурсов дополнительного образования. Вместе с тем необходимо тщательно продумывать организацию цифровой среды учащихся для снижения рисков и негативных последствий. При этом следует учитывать, что процесс цифровизации может приводить к росту дифференциации в доступе к качественным ресурсам, если не обеспечивается специальная поддержка детей, подростков и молодежи из семей с низким уровнем социального и культурного капиталов, когда родители в указанных семьях не могут (а иногда и не хотят) помогать детям в поиске и освоении образовательной информации. Как показывает международный опыт существует значительный риск использования новой цифровой среды для буллинга, а также иных противоправных занятий, что, как правило, получает достаточно широкое распространение среди подростков и молодежи из малообеспеченных слоев населения.

Федеральный проект «Новые возможности для каждого», в принципе, может стать одним из важнейших механизмов борьбы с бедностью, поскольку бедность во многом обусловлена некачественным образованием. Увеличение доступности разнообразных программ дополнительного (непрерывного) профессионального образования должно быть направлено именно на решение этой проблемы, когда речь идет о снижении численности бедных граждан России (особенно молодежи, что ведет к сокращению бедности в следующих поколениях, а также к повышению человеческого капитала нации). При этом программы повышения квалификации и другие программы ДПО должны быть увязаны с развитием региональных экономик, а также сопровождаться мерами по поддержке образовательной и трудовой мобильности работающего населения.

В целом, все Федеральные проекты Национального проекта «Образование» в той или иной степени могли бы быть использованы для борьбы с бедностью (в наименьшей степени это относится к ФП «Экспорт образования», но и его реализация, повлияв на общий уровень качества высшего образования,

положительно отразилась бы и на студентах из малообеспеченных семей, которые обычно поступают в вузы «второго или третьего эшелонов»). Однако для этого требуется определенная фокусировка указанных проектов на решении проблемы бедности подрастающих поколений за счет их поддержки в системе образования, а также снижение бедности более старших поколений за счет адресных программ ДПО в рамках Федерального проекта «Новые возможности для каждого», а также при реализации программ переподготовки предпенсионеров (см. ниже).

Проведенный на первом этапе настоящего исследования анализ показал, что национальный проект «Образование», или более широко, развитие системы образования достаточно сильно влияет на решение многих задач, поставленных в целом ряде национальных проектов, а также может оказывать при определенном реформировании воздействие на достижение такой национальной цели, как снижение бедности в два раза.

Решение демографических проблем, в частности, создание для женщин более благоприятных условий для рождения детей посредством развития яслей для детей от года до 3 лет с тем, чтобы молодая мать могла быстрее вернуться к работе (а это еще и механизм снижения бедности: в настоящее время именно семьи с детьми пребывают в зоне риска попадания в число малообеспеченных семей, поскольку женщина на достаточно долгий период времени выбывает из трудовой деятельности) тесно связано с развитием системы образования. В настоящей работе были рассмотрены ситуации с обеспеченностью дошкольного образования воспитателями при росте охвата детей в возрасте от 1 года до 3 лет до 60% (70%) и полном охвате детей от 3 до 7 лет услугами ДОО. Кроме того, был сделан прогноз дополнительной потребности в воспитателях в регионах ДВФО, СКФО, ЦФО и СЗФО в период 2019–2024 гг., т. е. в период реализации национальных проектов «Образование» и «Демография», а также на период до 2031 г. Во многом эти расчеты и прогноз носят модельный характер: позволяют развивать методологию такого рода анализа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»//Президент России. – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>.
2. Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда в России: препринт WP3/2017/02//А.А. Зудина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Электрон. текст. дан. (300 Кб). – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). – 21 с. – URL: https://wp.hse.ru/data/2017/04/17/1169031315/WP3_2017_02_.pdf.
3. Education at a Glance, 2018. OECD, 2018.
4. Барбер, Майкл. Приказано добиться результата. Как была обеспечена реализация реформ в сфере государственных услуг Великобритании: пер. с англ./Майкл Барбер. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2011. – 328 с. – (Антология образования).
5. Шляйхер, Андреас. Образование мирового уровня. Как выстроить школьную систему XXI века? : пер. с англ./Андреас Шляйхер. – М.: Издательство «Национальное образование», 2018. – 328 с. – (Антология образования).
6. Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник. М: Финансы и Статистика, 1989.
7. Чередниченко Г.А. Российская молодежь в системе образования: от уровня к уровню//Вопросы образования. – 2017. – № 3. – С. 152-182.
8. [Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник](#)/М.: Издательство «Финансы и статистика», 1988.
9. Ситуация на рынке труда в таблицах, графиках, диаграммах//Федеральная служба государственной статистики/[Рынок труда, занятость и заработная плата](#). – URL: https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries.
10. Российский статистический ежегодник. 2017 (на русском и английском языках)/Russian statistical yearbook. 2017 (in Russian and English)//Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm.
11. Российский статистический ежегодник. 2018 (на русском и английском языках)/Russian statistical yearbook. 2018 (in Russian and English)//Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_13/Main.htm.
12. Рабочая сила, занятость и безработица в России – 2018 г.//Федеральная служба государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b18_61/Main.htm.
13. Косарецкий С.Г., Пинская М.А., Груничева И.Г. Проблемы бедности и доступа к образованию. Оценка ситуации в России и международный опыт//Мир России. – 2014. – № 2. – С. 133-149.
14. Свободная энциклопедия Викисловарь. – URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/%D1%83%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%82%D1%8C>.
15. Мониторинг трудоустройства молодежи/Е.М. Авраамова, Т.Л. Клячко, Д.М. Логинов, Е.А. Семионова. – М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 60 с. – (Научные доклады: образование).
16. Доля занятого населения в возрасте от 25 до 65 лет, прошедшего повышение квалификации и (или) профессиональную подготовку, от общей численности занятого в области экономики населения этой возрастной группы//ЕМИСС Государственная статистика. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/58255>.
17. Данилова Е.В. Международный опыт волонтерской деятельности//Вестник Российской международной академии туризма. – 2015. – № 4. – С. 10-14.